

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Пропасть
смотрит в тебя

Дикие лебеди

Инна Бачинская

Пропасть смотрит в тебя

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Пропать смотрит в тебя / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2022 — (Дикие лебеди)

ISBN 978-5-04-165357-6

Новый детективный роман Инны Бачинской «Пропать смотрит в тебя» входит в авторский цикл «Дикие лебеди», повествующий о приключениях отважного и решительного Александра Шибаева, бывшего оперативника. Когда-то он по нелепому стечению обстоятельств потерял работу в органах, и с тех пор занимается частным сыском вместе со своим другом, интеллектуалом-адвокатом Аликом Дрючиным. К частному детективу Александру Шибаеву обратилась журналистка местной газеты Инга с просьбой помочь найти ее подругу. Юлия – психолог, она организовала клуб «Коломбина» для несчастных отчаявшихся женщин. Первые занятия прошли успешно, и вдруг Юлия бесследно исчезла... Шибаев и его друг, адвокат Алик Дрючин, берутся за поиски. В городе тем временем происходят загадочные и зловещие убийства: некто присылает женщинам коробки с отравленными конфетами. На первый взгляд жертвы никак не связаны между собой, но что-то не позволяет полиции заподозрить действия маньяка... Инна Бачинская – современная российская писательница, автор более 40 остросюжетных романов, хорошо известных любителям качественного детектива. Ее книги – словно диалог с писателем, умным, точно чувствующим и ироничным.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165357-6

© Бачинская И. Ю., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Когда-то давно, то ли было, то ли нет...	8
Глава 2. Подарок	11
Глава 3. Девочки	13
Глава 4. Сожители. Быт, рутина... Как же меня достала эта чертова жизнь!	17
Глава 5. Таинство брака. Дрязги	21
Глава 6. Любовники. Часть первая	24
Глава 7. Первые шаги	26
Глава 8. Странная смерть незначительной женщины	29
Глава 9. Бойтесь своих желаний...	32
Глава 10. Добрая самаритянка, или Непрошенный гость	35
Глава 11. Любовники. Часть вторая	39
Глава 12. «Коломбина». Раздумья...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Инна Бачинская

Пропась смотрит в тебя

© Бачинская И. Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Приглядываясь осторожно
К подробностям небытия,
Отстаивая, сколько можно,
Своё, как говорится, «я»,
Надеясь, недоумевая,
Отбрасывая на ходу
«Проблему зла», «проблему рая»,
Или другую ерунду...*

Георгий Адамович. Приглядываясь осторожно...

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

*Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя – себя хранит...*

Зинаида Гиппиус. Грех

...Глубокая ночь, спальня, горит ночник, рассеивая слабый пещерный свет; явственно ощущается тяжелый запах лекарств. На кровати лежит женщина, слышно ее тяжелое дыхание. Аппаратура на тумбочке – мигают зеленые огоньки; пластиковые трубки, игла в вене. Женщина не то спит, не то без сознания; бледное лицо с заострившимися чертами, приоткрытый рот. За окном непогода, ветки бьются в окно и льет дождь. Время от времени вспыхивает сине-белое ветвистое дерево молнии, и комната освещается голубоватым светом. Тут же оглушительно рявкает гром.

После очередного раската женщина вдруг открывает глаза и обводит комнату бессмысленным взглядом. Повернув голову, задерживается на зеленых огоньках, потом на квадратике марли, удерживающей иглу в вене. Свободной рукой неуверенно тянет за пластиковую трубку; морщится, почувствовав боль. Игла выскальзывает из вены и повисает, слегка раскачиваясь. На ее кончике капля крови. Женщина закрывает глаза; проходит минута, другая...

Она снова открывает глаза и, уцепившись за край кровати, пытается подняться. На лице ее гримаса боли. Ей удается встать, и она стоит около кровати, словно соображая, что дальше. Неверными шагами, босая, идет к двери, открывает ее и выходит в коридор-галерею с темными деревянными перилами.

В доме царит тишина. В своей длинной белой сорочке она похожа на привидение. Женщина наклоняется над перилами и смотрит вниз, словно пытаясь увидеть что-то или кого-то: там горит торшер под желтым абажуром и никого нет. Пусто. Она долгую минуту рассматривает слабо поблескивающий бар с десятком разноцветных бутылок, диван, кресла, дерево в фаянсовом лакированном горшке с драконами. Драконов не видно, но она знает, что они там, помнит, как они купили этот горшок... где-то далеко, а потом везли домой. Красный, синий и желтый дракон. Она улыбается: дракон, символ счастья и удачи... надо потрогать... погладить... горшок холодный и гладкий, пальцы скользят... Она ступает на ступеньку, держась за перила, делает шаг, другой... и вдруг летит вниз. Все происходит так быстро, что она не успевает закричать. Спустя минуту женщина неподвижно лежит на полу, разбросав руки и неестественно вывернув голову; лицо закрывают спутанные седые пряди.

Кажется, скрипнула дверь... Показалось! В доме по-прежнему царит тишина; за окном дождь, бело-синие вспышки молнии и раскаты грома...

Глава 1. Когда-то давно, то ли было, то ли нет...

*Я встретил ведьму старую в задумчивом лесу.
Спросил ее: «Ты знаешь ли, какой я грех несу?»*

К. Бальмонт. Ведьма

Они сидели в приемной ясновидящей: мать, женщина средних лет, и ребенок, девочка лет пяти-шести. Девочка скучала и крутилась, мать шикала и одергивала. Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилась тощая старуха с морщинистым лицом, в черной монашеской одежде. Она кивнула женщине, приглашая, и исчезла, оставив дверь открытой. Женщина поднялась, перекрестилась и дернула девочку за руку.

– Помнишь, что я говорила? – прошептала она, наклоняясь к ребенку.

– Помню! А что она будет делать? – спросила девочка. – Бабушка сказала, она ведьма!

– Тише! Она ясновидящая. Ничего не будет, просто посмотрит на тебя. А ты помолчи, поняла?

– Ясновидящая... как это? Что она видит?

– Все про человека.

– А она страшная? Заколдует меня? Как принцессу?

– Нет. Если она спросит, ты ответишь, поняла? А сама молчи.

– Хочу мороженое!

– Хорошо. Потом. Иди!

Они вошли в небольшую комнату без окон, с полками до потолка, уставленными пестрой дребеденью: бутылками странных форм, подсвечниками, фарфоровыми и керамическими человечками и животными, шкатулками и тарелками из майолики. За столом в центре сидела крупная немолодая чернобровая женщина с очень белым лицом и светлыми глазами, с гладко причесанными черными волосами и четкой линией пробора. Пустой стол был накрыт темной ковровой скатертью. Женщина повела рукой, указывая на стул – мелодично звякнули серебряные браслеты. Два массивных браслета черного серебра были ее единственным украшением. Мать села, девочка осталась стоять, во все глаза разглядывая хозяйку. Та протянула руку, подзывая малышку.

– Она... – начала было мать, но ведьма остановила ее жестом; снова звякнуло серебро.

Девочка подошла, все так же пристально рассматривая ее. Долгую минуту та смотрела в глаза ребенку.

– Ты меня боишься? – наконец спросила она.

Девочка помотала головой:

– А ты настоящая волшебница? Или ведьма? Ты меня видишь?

Мать охнула и закрыла рот рукой.

Женщина усмехнулась:

– А ты как думаешь?

– Настоящая! Ты меня заколдуешь? Мама говорит...

Ясновидящая поднесла палец к губам:

– Ш-ш-ш... Дай мне руку! Вот эту.

Девочка протянула левую руку. Ясновидящая взяла ее и внимательно рассмотрела; она закрыла глаза, все еще держа руку девочки в своей. Мать застыла, не сводя с них напряженного взгляда. Женщина открыла глаза, выпустила руку девочки и сказала:

– Видишь на полке игрушечных зверей? Подойди, выбери, какой понравится, и дай мне.

– Один зверь?

Та усмехнулась:

– Один!

Девочка подошла к полке и, привстав на цыпочки, принялась разглядывать фигурки: керамических, стеклянных и фарфоровых лошадок, кошек, сов, обезьян и овечек. Наконец она протянула руку и взяла одну из них. Повернулась к ясновидящей, сделала шаг и споткнулась. Выронила фигурку, та упала на пол и разбилась. Мать охнула и вскочила; ясновидящая снова остановила ее жестом, и она послушно опустилась на стул.

Девочка, раскрыв рот, исподлобья смотрела на женщину; та сказала, протянув руку:

– Не бойся. Собери и дай мне.

Она рассмотрела черные керамические осколки: голова с рожками, ножки с копытцами, выпуклые глаза... Козел! Положила ладонь на голову девочки:

– Молодец. У тебя все будет хорошо. Можете идти.

– Но как же! – вскрикнула мать. – Она же... с ней все время что-то... страшно сказать! Боюсь оставить одну! Чуть не утонула, упала с крыши, падает с деревьев, что ни возьмет в руки, ломает, разобьет, порежется... Пожар учинила, цыгане чуть не свели со двора... В колодец свалилась! Змея ужалила! Соседская собака... зверюка! Никого к ней не подпускала, мы полицию вызвали, так они боялись к ней подойти и хозяин тоже. Из окна выпала! Знакомая сказала, это сатана в погибель играет, метка на ней. Что нам делать? Мне сказали, вы можете... Господи, да помогите же нам! У меня уже нету сил!

Она расплакалась. Ясновидящая кивнула на черные осколки:

– Видела? Это сатана. Разбитый козел. У нее защита. Падает и поднимается. Как тебя зовут? – Она повернулась к девочке.

– Люля! А тебя?

– Анна. А ты сначала была Ангелина... так?

– Откуда вы... – вскрикнула мать. – Да! Но свекровь сказала...

Ясновидящая покачала головой, и она замолчала.

– Ангелина – сила и оберег. Пусть будет Ангелина хотя бы между своих. Не суть. Просто помни, что ты Ангелина, ладно? – Она уставилась ей в глаза, и девочка кивнула. – Приглядывайте за ней. Все, идите.

Женщина раскрыла сумочку, но ведьма сказала:

– Ничего не надо. Идите. Я вас не забуду, буду поминать.

– Это пройдет? – воскликнула мать.

Ведьма – она все-таки была больше похожа на ведьму, чем на волшебницу, – задумалась на миг и сказала:

– Нет. Это судьба. Линия жизни хорошая. Со временем научится избегать. Сейчас она пробует, идет на ощупь, в темноте, потом будет полегче. У каждого человека своя особенность – пока маленький, он не умеет справляться и не понимает, а потом учится. Принимает или нет. Защита у нее хорошая, – повторила. – Идите.

– Но почему?..

Ведьма пожала плечами:

– Судьба.

И они ушли. Девочка, радуясь, что ведьма оказалась не страшной, а доброй волшебницей, как в сказке; мать, разочарованная, что все было так просто и обыденно, а говорили – лучшая. Деньги почему-то не взяла... это знак? Хорошо или плохо? Сказала, приглядывать... Господи! Да с нее глаз не спускают ни днем, ни ночью! Ангелина... и что это значит? Как понять? Она хотела назвать дочку Ангелиной, а свекровь попросила – не надо, была у них в роду одна Ангелина, рано умерла... от греха подальше! Как же она догадалась? Одно слово, ведьма!

– Мам, хочу мороженого! – сказала девочка.

- А горло не будет болеть?
- Не будет! Ты обещала!
- Ладно, только кушать медленно, а не глотать кусками! Поняла? Ангелина ты моя...

Глава 2. Подарок

*...timeo Danaos et dona ferentes¹.
Вергилий. Энеида*

В почтовом ящике что-то белело... письмо? Квитанции выглядят по-другому. Женщина открыла ящик и вытащила небольшой прямоугольный пакет. Прочитала адрес: Елена Добронравова, Монастырская, семь... Все в порядке, это она Елена Добронравова из дома семь по улице Монастырской.

Озадаченная, женщина поднялась к себе на третий этаж, рассматривая посылку. Обратный адрес неразборчив, человек писал как курица лапой. Похоже на Уколова Зоя... Зойка! Зойка? Старая подруга! Здесь, в городе? Просто удивительно, недавно ее вспоминала! Сколько же они не виделись? После института ни разу! Как-то так получилось... Зойка вышла замуж и уехала; она, Елена, устраивалась на работу, встречалась с Глебом... и ниточка порвалась. Нет, сначала, как водится, открытки на праздники: два-три слова, как ты, привет, целую! А потом как отрезало... уже и не вспомнить, когда. Порвалась ниточка. Вот так и теряем друзей. Заботы, быт, всякая нестоящая ерунда...

А жизнь тем временем и проходит. Сколько лет! Глеб... когда же это было? Они разбежались через год. Потом был Павел... оказался сволочью... мама была права. Грег тоже оказался сволочью, причем пьющей. У Нинки вон муж тоже пьяница, но добродушный: всегда как примет, расшаркивается и целует ручки, рот до ушей и дурацкие анекдоты. А Грег делался злой и мотал кишки за неглаженую рубашку, оторванную пуговицу, коллегу, с которым танцевала сто лет назад на Новый год. Упрекал, заводился, срывался на крик, бросался тарелками... сволочь! Хотел квартиру делить! Слава богу, отбилась. Не везет ей с мужиками... Паша, теперешний, вроде ничего, смирный, но на восемь лет моложе, получает копейки и совсем простой...

Елена отперла дверь, поставила на тумбочку сумку и нетерпеливо разорвала пакет. Ахнула, увидев немыслимой красоты белую с золотом коробочку, перевязанную золотой ленточкой, с названием на французском: «*Lindt Pralines Du Confiseur*». Шоколад! Ничего себе, размахнулась подруга. Этот «Линдт» стоит прилично. С чего бы это? День рождения прошел, следующий не скоро... Ну, Зойка! Помнит, что она любит шоколад. Елена повертела в руках коробочку, надеясь обнаружить открытку или письмо, но в пакете больше ничего не было. Значит, позвонит, поняла она. Городской телефон не менялся.

Она испытывала радость и умиление, представляла уже, как они встретятся, посидят где-нибудь, вспомнят их группу, девочек и мальчиков, рассмотрят фотки, возможно, поплачут... Зойка, Зойка... Ну, учудила, подруга! Да что же это за жизнь такая! Теряем друзей, забываем, черствеем...

Она включила кофейник, достала чашку. Полюбовалась на белую нарядную коробку и развязала золотой бантик. Открыла и замерла в восторге: шоколадные конфетки – круглые и овальные, сердечки, шарики, с орешками и марципаном... как клумбы! Каждая в золотом гнездышке. Ну и как, спрашивается, есть такую красоту? А пахнет как! Она закрыла глаза и вдохнула запах шоколада. Налила кофе, протянула руку к коробке и задумалась; взяла сердечко черного шоколада, открыла рот и... застонала от наслаждения. Почему никто никогда раньше не дарил ей ничего подобного? А она сама почему? Экономила? Жалела? Права Светка – заниженная самооценка! Светка так и сказала, когда она отказалась купить у нее комплект, розовые лифчик и трусики... вышивка, кружева... с ума сойти! Отказалась, потому что дорого.

¹ ...timeo Danaos et dona ferentes (лат.) – ...опасайтесь данайцев, дары приносящих (фраза впервые встречается в поэме Вергилия «Энеида»).

Ну и дура, сказала Светка. А она рассмеялась: для кого? Для Пашки? Он даже не заметит! Для себя, сказала Светка. Забери хоть гель для ванны, отдам дешевле, у меня аллергия...

Елена вдруг подумала, что на свете много прекрасных, совершенно изумительных вещей, которых у нее никогда не было... косметика, духи, шикарные туфли, кружевные ночные сорочки... мало ли! Она вспомнила свою пижамку с медвежатами и невольно рассмеялась. А почему? Черт его знает. И деньги вроде есть, вот только не привыкла ими швыряться, прочерчены в сознании красные линии: платье – за столько, сапоги – за столько, и ни-ни больше! Стриженный бобер вместо норки... не отличишь – спрашивается, зачем лишнее тратить? Мама так воспитала. Она вспомнила, как однажды уже почти купила сережки с бриллиантами, но в последнюю минуту передумала и взяла такие же, но со стразами. Бюргерша! В кубышку, сказала Светка. Давай, копи на черный день, племяши ждут не дождутся, когда любимая тетя щелкнет ластами. Вот радости-то будет!

Светка говорит: как ты к себе, так и люди к тебе. Да у тебя на физии написано, что за копейку удавишься, говорит. Права Светка, надо любить себя. И для начала забрать те потрясающие серые замшевые сапоги из «Мегацентра»... точно! Черт с ними, с деньгами. И лиловую губную помаду... и записаться к Светкиной визажистке... завтра же! Все, начинаем новую жизнь!

Она взяла овальную конфетку с миндальным орешком; потом еще одну, и еще. Потянулась за телефоном, набрала Светку – душа требовала участия и одобрения...

Глава 3. Девочки

*Потерять независимость много хуже, чем потерять невинность.
Вчуже, полагаю, приятно мечтать о муже, приятно произносить «пора бы».*

И. Бродский. Речь о пролитом молоке

– Вот только не говори, что тебе с ними интересно! С этими неудачницами! Ни за что не поверю! Ну скажи, зачем? Юль? Что ты хочешь доказать? Кому?

Две милые девушки, темноволосая и беленькая, уютно устроились в уголке почти пустого в это время дня кафе «Паста-баста», пили вино и разговаривали.

– Зачем? Скажем, эксперимент, – сказала Юлия – та, что с каштановыми волосами. – Мне интересна их мотивация, понимаешь? Зачем они приходят.

– Мотивация? Ежу понятно! Комплексы, заниженная самооценка... лишний вес, наконец. Надеются на чудо: а вдруг им откроется волшебное слово, трах-бах – и у нее все есть! На халяву. Пусть хотя бы сядут на диету!

– Если они сядут на диету, то потом нагонят. У них такая конституция, генетика, сложившаяся привычка жевать, от которой так просто не откажешься. Дело не в этом. Неудачи не от веса. И почему ты решила, что приходят с лишним весом? Причины могут быть разными.

– Ладно, пусть разные. Так чего же ты добиваешься? – спросила подруга – ее звали Инга. – Их невозможно переделать! Неудачник – это на всю жизнь. Насчет веса ты права, вес ни при чем. Возьми мою начальницу, Зойку! Жрет нон-стоп, как корова, чипсы, орешки, шоколадки и...

– Я хочу ввести их в зону комфорта, – перебила Юлия. – Чтобы они не чувствовали себя неудачницами. Если нужно, перестали жевать, как коровы. Может, они жуют из-за комплекса неполноценности, выводя себя из стресса.

– Комплекс неполноценности? – вскричала Инга. – О чем ты? Зойка считает себя звездой на пляже, она никогда не пойдет в твою секту! Видела бы ты, как она одевается... Малолетки рыдают от зависти!

– Моя студия не для нее, у нее все в порядке с самооценкой.

– Ну да! – фыркнула Инга. – Самооценка зашкаливает.

– Именно. Но есть и другие – они стесняются, носят старушечью одежду, длинные юбки, боятся яркого макияжа и крутят дулю на затылке. Они одиноки, как правило. Не умеют себя подать и продать. Они никогда не познакомятся со стоящим мужчиной, а если познакомятся, то на радостях согласны на все, но он сбегает утром и меняет телефон.

– И как же ты собираешься научить их продавать себя? Это или есть, или нет. Если она маргиналка – учи не учи, один фиг! Она никому не нужна. Да еще в старушечьих шмотках.

– В корне не согласна и против слова «неудачницы». Считай, что я хочу поставить эксперимент. Собрать... – Она запнулась.

– Маргиналок?

– Они не маргиналки.

– Тогда «те, кто в поиске самооценки»! Как тебе?

Юлия кивнула:

– Примерно. Я хочу подстегнуть их, заставить раскрыться...

– Интересно, как! – перебила Инга. – Заставить их повторять по сто раз мантру: я самая красивая, самая привлекательная, самая желанная, самая-рассамая? Как в том старом кино? Мужики мечтают меня трахнуть, бегут следом и облизываются? Пять раз утром и десять вечером?

– Ну... в том числе. Главное, определить себе цену. Всякий человек чего-то стоит. Только надо это вытащить, понимаешь? Открыть ему глаза. Ей...

– Ладно, допустим. Вон, видишь, чучело у окна? Жрет пирожное. Ужас! Смотри, на губе крем налип! Одета, как моя прабабка. Что можно из нее вытащить? Есть у нее внутри такое, что стоит вытаскивать? Ну?

Некоторое время они рассматривают молодую женщину, сидящую у окна. Та, заметив их взгляд, перестает жевать, одергивает на груди платье, отворачивается и начинает рыться в сумочке.

– Видела? Вот так всю жизнь, – сказала Юлия. – Если она ловит на себе чей-то взгляд, ей хочется спрятаться, ведь она уверена, что ее осуждают или насмеются. В школе ее обижали, парня нет и не было. И не будет. У нее золото в ушах и два кольца, платье недешевое, но ужасный фасон и жуткий колер. Она одинока. Ни подруг, ни друзей. Возможно, старенькая мама на пенсии, которая вечером ждет дочку с ужином. А на ужин жаркое и блины с вареньем. Потом они пьют чай с конфетами или тортиком и смотрят сериал. Отца не было, и она боится мужчин. Но это еще не все! Она работает... по-твоему, где?

– Ну... В частную фирму ее не возьмут, там нужны бойкие барышни. В тишине, с бумагами или с книгами. Может, торгует на базаре... А то еще, знаешь, есть такие – отыгрываются на клиентах. Грубит и заставляет ждать... мымра! Моя соседка тетя Нюся даже плачет из-за одной такой в ЖЭКе. Безднадега полная.

– Ее нужно подтолкнуть, – сказала Юлия. – Дать пинка.

– Насчет хорошего пинка согласна. А насчет помочь... как? – саркастически спросила Инга. – Если искать ей мужика... сама понимаешь. Пусть идет на сайт знакомств. Или в бюро брачных услуг.

– Для этого нужна уверенность, а ее нет. Для начала я сведу их вместе, пусть выговорятся. А потом начну шлифовать.

– Ага, давай, шлифуй. Я уверена, люди не меняются. Форма – возможно, а начинка – нет.

– Посмотрим. Пусть вырвутся из клетки, а там будет видно. Человек – существо социальное, ему надо выговариваться – желательно не маме в жилетку, а сверстнице одного калибра и возраста. Выплакать свои обиды и послушать, что говорят другие. Убедиться, что всем хреново, но это поправимо. Она должна понять, что не худшая. Надо почувствовать себя членом стаи.

– Ну, не знаю... Поправимо? Как? Устраивать для них сеансы психотерапии? Запостить галерею: до и после? И назови как-нибудь прикольно... сейчас! – Инга достала из сумочки айфон, полистала. – Вот! Целая куча названий! «Леди-клуб», «Через тернии», «Апельсинки», «Между нами, девочками», «Шпилька», «Бигуди», «Каблучок»! А вот еще... «Женсовет»! «Кнопка»! «Гламур»! «Леди-бум»! Офигеть! Их же полно, все давно откатано, куда тебе соваться? – Она помолчала. – Никогда не верила, что это работает. Просто мода пошла: лузеры ложатся на диван, а психиатр зеваает и делает вид, что слушает их нытье. Или как у анонимных алкашей: одни выкладывают все про себя, другие хлопают, потом меняются местами. Я бы ни за какие коврижки! Не наше это, не верю.

– Ты не права, словом можно поднять и уничтожить. Человек – стадное животное, ему нужно одобрение окружающих... как правило. Когда-нибудь я напишу книгу...

– Все книги на эту тему давно написаны!

– Да! Их написали мужчины.

– А! Ну да, ну да, мужчины... что они вообще понимают в неудачниках! Толстошкурые эгоисты-сексисты, ну их на фиг! А спермой разживемся в банке. Баб, между прочим, тоже полно пишет. Самооценка, любить себя, знать себе цену. И главное, все сами неудачницы. Теорию знают, а практику – извини-подвинься.

– Я, наверное, скоро уеду, – сказала Юлия после паузы.

Инга уставилась на подругу:

– В смысле? Как это ты уедешь?

Юлия пожала плечами:

– Здесь тесно, все друг друга знают. Мне нужна анонимность и размах. Горизонты. Надоело.

– Не понимаю! – всплеснула руками Инга. – Прекрасная работа, тебя все знают... друзья! Бизнес-психолог со стабильной клиентурой... Если честно, никогда не понимала, на хрен им психолог... твоим клиентам. И вот так все бросить и свалить, черт знает куда, чтобы начать с нуля? Ты в своем уме? Я против!

– Дефолтная сеть развивается в экстремальных условиях! – Юлия постучала себя пальцем по лбу. – Незнакомая обстановка, например.

– Чего? Какая еще сеть?

– Точки в мозгу, которые отвечают за креативность.

– И что это значит?

– Вечный поиск. Ты же ищешь миллионера... Вот и я. Скучно живем, хочется чего-то новенького.

– Сравнила! – рассмеялась Инга. – А как же твой Никитка? С тобой или... как?

– Не знаю, мы с ним это не обсуждали, – неохотно сказала Юлия. – Это пока проект.

– Как всегда сбежишь? До сих пор не понимаю... Владик, Юрка, Стас... нормальные ребята! – Инга стала загибать пальцы. – Стас до сих пор сохнет, всегда расспрашивает. Не жалеешь?

– Нет, – коротко ответила Юлия.

– Какого рожна? Чего не хватает? Что тебя вечно корежит? Это из-за сетки в мозгах или шила в... там? У вас же с Никиткой такая любовь, сама говорила! Вы что, поссорились?

Юлия пожала плечами:

– Надоел! Скучно.

Инга всплеснула руками:

– Этот тоже? Ну и дура! За ним полгорода бегает! Морда лица, все при нем... шикарный мужик! Деньги, наконец. А ты будто паучиха... как ее? Черная вдова! Трахнулись и пошел вон, так? А то откушу голову.

Юлия промолчала.

– Подожди, так ты от него сваливаешь? И твое общество защиты бобров с той же радости? Неужели так хреново?

Юлия продолжала молчать, рассматривая полки, где стояли большие и маленькие стеклянные пузыри с разноцветными маринованными перцами и помидорами.

– Можешь, наконец, сказать, в чем дело? – рявкнула Инга, ляпнув ладонью по столу.

Женщина у окна, приоткрыв рот, пристально их рассматривала; на ее верхней губе по-прежнему белел шматок крема.

– Ни в чем. Надоел. Все надоело. Хочу новые пейзажи и горизонты.

– И я надоела?

– Ты? – Юлия долгую минуту рассматривает подругу, говорит наконец: – Ты – нет. Приедешь в гости?

– Ха! Свали сначала. А тетя Лена знает?

– Мама? Не знает. Нечего знать пока.

Они помолчали.

– Ты все-таки подумай... обещаешь? – сказала Инга. – Не руби, ладно?

Юлия кивнула.

– Послушай, а эти твои несчастные тетки... ищешь, кому еще хуже? Можешь наконец сказать, что с тобой?

И снова Юлия не ответила...

Глава 4. Сожители. Быт, рутина... Как же меня достала эта чертова жизнь!

*...Хохмой вывернуть тоску?
Может, кто откусит ухо?
Ку-ку!
Скука.*

А. Вознесенский. Скука

Адвокат по бракоразводным делам Алик Дрючин сидел в своем офисе, скучал и смотрел в окно. Час назад его бизнес-партнер Александр Шибаев бросил на стол два конверта с результатом разыскных работ, причем с таким выражением лица, что Алик не решился ни о чем спросить, и выскочил, хлопнув дверью. У Алика даже в ушах зазвенело – тоненько и противно. Сожитель на глазах сползал в депрессию. Опять и снова. Тонкая и чувствительная натура, несмотря на пудовые кулаки и общий вид. А кому, спрашивается, хорошо? Вчера сказал, что хочет набить кому-нибудь морду. Ну так набей, зачем мучиться?!

Вообще, Алик давно заметил, что в результате драки деловой партнер получает заряд оптимизма и серотонина, в результате чего в нем пробуждается интерес к жизни. Он оживает на глазах и даже позволяет Алику оказать ему первую помощь, ну, там, смыть кровь и смазать физиономию вонючей мазью от синяков. А если совсем хреново, вызвать Славика Кучинского, придворного хирурга, чтобы наложил на нужные места пару швов.

Славик прилетает со своим докторским саквояжем, моет руки и начинает раскладывать на столе всякие блестящие штучки, пузырьки, шприцы и бинты. Алику сразу делается дурно, а этим двум хоть бы что. Славик для поддержания духа пациента расскажет полуприличный анекдот из медицинской практики, Шибаев, возбужденный после драки и укола, радостно заржет. Альфа-самцы чертовы, думает Алик, стараясь не смотреть. Славик шьет, рассказывая очередную байку, Шибаев продолжает ржать, Алик же...

Алик с вымытыми руками, преодолевая дурноту, дежурит на подхвате: ну, там, подержать что-нибудь или промокнуть кровь. Причем он подозревает, что Славик привлекает его намеренно, так как прекрасно может обойтись без ассистента. Просто ему интересно наблюдать его перекошенную физиономию.

Бессердечные циники!

Но если честно, Алику нравится, когда Шибаев вваливается домой после драки – он сам словно приобщается к настоящим мужским реалиям, абсолютно чуждым ему: мордобою, сбитым кулакам и окровавленной физиономии. Алик никогда в жизни не дрался, его даже в школе не били по причине хилости. Замирая от восторга, он издали наблюдал за здоровенным лбом Сашкой Шибаевым – кликуха Ши-Бон, – первым хулиганом школы, классным футболистом, украшением спортивных олимпиад, за которым бегали самые красивые девчонки.

И надо же было тому случиться, что именно он, Алик Дрючин, однажды оказался для Шибаева путеводной звездой, протянув ему, тонущему, руку помощи. Да, да, задохлик Алик Дрючин – мордовороту Сашке Шибаеву. Популярному и знаменитому Ши-Бону. Протянул руку и подставил тощее плечо, а Ши-Бон оперся. На тощее Аликово плечо!

Он тогда был в раздрыганном состоянии – из-за нелепой истории пришлось сменить род деятельности, уйти из подающих большие надежды и талантливых оперативников в никуда. Не столько сам ушел, сколько вышибли, спасибо, хоть без особого шума в силу былых заслуг. И остался Шибаев как битый рыцарь на распутье: без лошади, без меча, в запятнанных и мятых

латах, с подпорченной репутацией². Ну, как водится, запил. Слетел с катушек, как говорится. Так и пропал бы, но случился ему как гений чистой красоты Алик Дрючин и дал путевку в новую жизнь. В результате стал Ши-Бон частным сыщиком... больше ничего он в жизни не умеет. Собака-ищейка с обостренным нюхом, идущая по следу. Алик даже поделился с ним собственным офисом, поставив второй стол – и веселее, и финансово выгодно. Также и в деловом отношении: приходит, к примеру, к Алику клиент с мыслью о разводе, а тут не только адвокат, но и готовый детектив, который докажет на раз-два супружескую неверность. Алик даже переселился к Шибаеву на время, для моральной поддержки, перетаскив гардероб и коллекцию косметики, да так и остался. Как говорят философы: нет ничего более постоянного, чем временное...

Ну и как вы себе представляете это сожителство: упорядоченного зануду Алика и разгильдяя Ши-Бона? Алик, несмотря на хлипкую конституцию, человек упертый, доводящий все до логического завершения или до абсурда, что частенько одно и то же. Для Шибаева же, как для самурая, главное не цель, а путь, движение, процесс, на такие мелочи, как быт, он давно забил. Одним словом, Алик с ходу взялся за наведение порядка в шибаевских конюшнях, образовавшихся в результате общего пофигизма после развода с женой Верой, которую Алик не любил и побаивался; она платила ему той же монетой и обзывала бледной поганкой или чем похуже. Они иногда сталкивались – Вера, уверенная, что Шибаев без нее пропадет и весь прямо исстрадался, а также, желая убедиться, что ее место все еще пусто, являлась без приглашения под видом заботы о брошенном супруге то с котлетами, то с отбивными и беспардонно шарилась по квартире, как у себя дома, попутно вынося ему мозги за пыль, беспорядок и немытую посуду. А особенно за Дрючина, к которому ревновала, будучи собственницей. И это при всем при том, что была она снова замужем за одним некрупным предпринимателем. Казалось бы, у тебя новая семья, новый муж, горизонты, возможности... все такое, на хрен тебе, спрашивается, экс-неудачник?

Шибаев, поедая котлеты, вяло огрызался. Алик во время ее визита молчал в тряпочку и не отсвечивал, но когда она уходила, отыгрывался по полной. А так как был он мастер казуистики и умел убеждать, Шибаев в конце концов наплевал на котлеты и сменил замок – Веру, явившуюся в очередной раз с кастрюлями, ожидал облом. Крику было! Алик торжествовал – не ходил, а летал. Так и в жизни: один утверждает кулаками, другой мозгами. А еще говорят: сила есть, ума... ну, вы знаете. Правда, в их случае это верно не на все сто процентов, так как Ши-Бон далеко не дурак. Просто он из тех сильных, что легко ломаются, в то время как тощий хилый Алик гнется и вообще оптимист – бежит по жизни вприпрыжку. С этой точки зрения их союз вполне успешен, так как они дополняют друг друга: упертый мрачноватый тяжеловес Ши-Бон и подвижный оптимист Алик, этакие *инь* и *янь*... не подумайте ничего такого, чисто с философского ракурса.

Примерно месяц назад немолодой состоятельный клиент, назовем его господин N., которого Алик разводил в свое время с предыдущей женой и составлял брачный контракт для нового брака по безумной любви, попросил порекомендовать ему дельного сыскаря, так как у супруги, похоже, завелся хахаль – такое у него нарисовалось подозрение. Алик сказал: конечно, *ноу проблем*, есть у меня один такой, все сделаем *леге артис*, не волнуйтесь, желание клиента – закон.

Шибаев походил за дамочкой несколько дней и бросил на стол конверт с фотками, о чем читатель уже знает. Алик открыл и ахнул! Дело, считай, выиграно. Но это было еще не все. Шибаев швырнул еще один конверт, рывкнул: «Иди ты знаешь куда?!» – и выскочил из офиса, громко хлопнув дверью. Недоумевающий Алик открыл второй конверт и снова офонарел: там

² Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Магия имени» и др.

были фотографии его клиента, причем крайне компрометирующего свойства. Как вы понимаете, не с женой, а с совершенно посторонней особой.

Каков поворот сюжета, подумал Алик, потирая руки. Согласно брачному контракту, изменивший или изменившая изрядно теряли, а тут мина с подожженным фитилем... или что у нее там, готовая взорваться. С двумя фитилями.

Он сидел до ночи, глубоко задумавшись и соображая, что же делать. Необходимо заметить, что раздумья его были не столько этического характера, сколько финансово-конспиративного. Первую дозу компромата он продаст клиенту, с этим все ясно, а вот вторую... ежу понятно, супруге. Только надо хорошенько продумать все ходы, чтобы не влететь и сохранить лицо. Ши-Бон молодец, хотя намерения у него были как раз этического плана – он собирался открыть ему глаза на низость клиента. Ха! Удивил! Уж он, Алик, насмотрелся, с его-то опытом. Ушаты помоев, жадность, подлость... до смертоубийства доходит! «А ведь была любовь, – ностальгически думал он. – Куда все девается?.. Между прочим, любимая тема для рассуждений за ужином с жареной картошкой и мясом под пиво».

– Ну вот скажи, Ши-Бон, – задумчиво вопрошал Алик, – куда, а? Куда оно все девается?

– Отстань, – отвечал Шибаев, – откуда я знаю? Тебе виднее, у тебя четыре ходки, и все по любви, вот и скажи куда.

– Не знаю, – печально качал головой тот. – И никто не знает. Любовь до гроба только в легендах. И то если умерли молодыми...

– Ага, если повезло, – говорил Шибаев, налегая на мясо.

– Ты бескрылый, – пенял ему Алик.

Шибаевский бойцовый кот Шпана, с разорванным ухом, в боевых шрамах, сидевший за столом на табурете, переводил взгляд с одного на другого и, улучив момент, выбрасывал здоровенную лапу и вонзал когти в кусок мяса, тащил к себе и глотал, не жуя.

– Твое животное опять сперло мясо! – Алик возмущенно замахивался на кота вилкой. – Пошел вон, скотина! Скажи ему!

– Тебе жалко?

– Пусть мышей ловит!

– Мышей... откуда у нас мыши! Пиво еще есть?

– Ты во всем ему потекаешь!

– Про любовь все сказал? Не отвлекайся, Дрючин, давай про любовь.

Но настроение прошло, про любовь больше не хочется. Паршивый котяра!

Да, так о чем мы? За окном ночь, Алик Дрючин сидит за столом и рассматривает поочередно фотографии нечистых парочек с утками на стороне, что специально оговорено в брачном контракте. Если снабдить обоих супругов компроматом, им придется торговаться до поросячьего визга, а он, Алик, будет выступать на стороне каждого, и гонорар, соответственно, подскочит в количестве до фи́га. Шибаев, конечно, закатит скандал... максималист гребаный! Придется доказывать ему, что *обоим* *рябое*, как говорила бабка адвоката, и раз уж такая шикарная карта привалила, надо быть идиотом, чтобы не воспользоваться. Не надо зарывать талант, одним словом.

Алик достал конверт, сунул туда две фотографии беспутного мужа-клиента и подписал; обратный адрес, разумеется упоминать не стал. *Tuna*, от неизвестного благодетеля. Женщина получит это завтра, в крайнем случае послезавтра; он, Алик, позвонит ей, представится и попросит о встрече для обсуждения бракоразводного процесса. Будет строг и официален. Она примчится с компроматом на супруга и, пылая торжеством и праведным гневом, ткнет ему под нос фотки изменника, а он посреди ее визга вывалит ей вторую часть компромата и спросит: «Это случайно не вы, мадам?» Он хихикнул, представив себе ее физиономию и еще раз вообразив физиономии обоих супругов. Красивый *эквилибрум*, молодец Шибаев. И он, Алик Дрючин, тоже молодец. Даже гений!

Он потянулся и зевнул. Посмотрел на часы на стене – половина первого. Ши-Бон хлопнул дверью, значит, предстоят разборки. Он ненавидит свою работу, считая ее мелкой и ничтожной. Конечно, после убойного отдела, красивых резонансных и серийных дел подглядывать в замочную скважину – все равно что заставлять волка жрать сено. Он надеялся, что его позовут назад, тем более вина его доказана не была, а объяснительной скорее поверили, чем нет, но репутация... Репутация!

Бывший коллега и, можно сказать, друг, гм... ситуативный друг! капитан Астахов *намекнул*, что, возможно... возможно! создается новый отдел, супер-серьезный, и он поручился... чем черт не шутит! Ши-Бон, окрыленный, ждал. Как оказалось, напрасно, на отдел не дали денег, и проект накрылся медным тазом. Капитан Астахов, уводя глаза в сторону, утешал, обещая, что отдел рано или поздно все-таки откроют, надо только подождать. «В гробу я видал, – твердо сказал Шибаев. – Не верю». На том дело и кончилось. *Ce tu*, как говорят французы³.

Алик тоже утешал как мог, без прорыва рассказывая про свет в конце туннеля, праздник на нашей улице, блаженных верующих, худо-бездобра; зудел, успокаивал, приводил примеры падений и подъемов великих мира. Даже оптимистические стихи читал. Одним словом, оттягивался от души. Алика хлебом не корми, дай потрепаться, причем на любую тему, а тут ему и карты в руки – Шибаев молча лежал носом к стенке и никак не реагировал. Даже подушкой не бросался...

... Часы на площади пробили четыре раза и после паузы еще один, в другой тональности. Час ночи. Алик поднялся из-за стола. Сейчас Ши-Бон начнет втирать ему про ничтожность задач и помощь всяким... э-э-э... *чужакам*, швыряться чашками и опять хлопнуть дверью... чертов идеалист! «А ведь мой долг адвоката помогать людям, – со скромным пафосом думал Алик, – защищать слабого... правда, трудно понять, кто тут слабый, как пираньи в банке, честное слово! Так что, прикажете стоять в стороне с постной мордой блюстителя, если можно прилично заработать? В смысле, блюстителя морали. На то и слабости ближнего, чтобы умный человек мог на них навариться. А ты не греши!» Алик бросил взгляд на диванчик, на котором иногда дремал после обеда... неудобный и короткий, после него ныли плечи и спина. «Не валяй дурака, – твердо сказал себе адвокат, – иди домой. Ну!»

³ C'est tout (*фр.*) – вот и все.

Глава 5. Таинство брака. Дразги

*О, пошлость и рутина – два гиганта,
Единственно бессмертные на свете,
Которые преодолевают всё...
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время...*

Н. Некрасов. О, пошлость и рутина...

Мужчина осторожно провернул ключ в замочной скважине и прислушался. За дверью было тихо. Он нажал на ручку и толкнул; дверь скрипнула. Он чертыхнулся и застыл, прислушиваясь. Оглянулся на лестничную площадку и протиснулся внутрь, стараясь, чтобы проклятая дверь снова не скрипнула. Не зажигая света, на ощупь, хватаясь за стену, сбросил туфли и куртку, прошел в гостиную. Через окно падал слабый свет уличного фонаря. Он стянул галстук, расстегнул рубашку и повалился на диван. Перевел дух – кажется, пронесло. Но он ошибся.

– Где ты был? – раздался резкий голос, как ему показалось, ниоткуда. Он вздрогнул и почувствовал укол в сердце. – Может, расскажешь, с кем?

– Светка? – воскликнул он, опомнившись. – Ты чего не спишь?

– Тебя жду! Где ты был? – повысила голос сидевшая в темноте и совершенно незаметная женщина. Вспыхнул торшер, супруги посмотрели друг на дружку. Мужчина был нетрезв, что бросалось в глаза; он зажмурился и прикрыл лицо рукой. Женщина в красном атласном халате смотрела в упор взглядом великого инквизитора. Жидкие длинные волосы-блонд разметались по плечам, лицо лоснилось от крема. В голосе чувствовались истеричные нотки и радость от предвкушения скандала. Мужчина мысленно чертыхнулся и пробормотал:

– Засиделись с Ромой допоздна, заканчивали проект... – Его звали Тимофей, Тимоша. Редкое по теперешним временам имя. – Потом пошли отметить, сама понимаешь... Я же оставил сообщение, что приду поздно.

– Я тебя, кобеля, прекрасно понимаю! – Голос жены звенел от возбуждения и злобной радости. – Ты даже не подозреваешь насколько! Ты подонок! Ты испортил мне жизнь! Лучшие годы... кому, спрашивается? С Ромой, говоришь? И телефончик вырубил? А его Лялька сказала, он спит! Ты же клялся, что не будешь пить, на коленях ползал, плакал! Тебя же, козла, привязывать надо!

Она обличала мужа, с наслаждением выплевывая обидные прозвища и сжимая кулаки, – соскучилась за долгий день от безделья. Мужчина, предприняв пару попыток оправдаться, замолчал. Вдруг он поднялся и пошел на кухню. Жена побежала следом. Он включил кофеварку, повернулся к ней и спросил:

– Будешь?

Жена замолчала, почуяв недоброе. Они смотрели друг на дружку. Он в упор разглядывал удивленно приподнятые синие тату-брови, бесцветные круглые глаза, лоснящееся лицо, усики над верхней губой. Скандал выдохся на глазах, сам собой, как следует не разгоревшись.

– Где ты был? – Супруга не собиралась сдаваться и предприняла еще одну попытку, но сбавила тон. – Я чуть с ума не сошла, не знала, что думать! Не мог позвонить?

– Не хотел портить себе настроение. Устал до чертиков... имею я право на бокал пива или нет? Или должен спрашивать разрешения?

– Ты же обещал. Все время врешь... я... я устала, наконец!

– Устала? Ты? Ни хрена же не делаешь!

– Ты меня еще куском хлеба попрекни! – взвилась супруга. – Давай, не стесняйся!

О! Жадность и скупость супруга – поле непаханое. Можно припомнить недокупленное, недоданное, несостоявшееся... Жлоб!

– Чего ты добиваешься? – рявкнул мужчина.

– Чтобы меня любили и уважали!

Он расхохотался:

– Любили и уважали, конечно! Сидишь дома, растолстела... на кого ты похожа!

– Да как ты смеешь? Сам не хотел, чтобы я работала! Ты меня к столбу ревновал... –

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Мужчина ухмыльнулся:

– Свежо предание. Чего ты добиваешься? Развода? Ради бога! Завтра же! Наша семейная жизнь меня уже достала!

– Я не хочу развода! – закричала женщина. – Я хочу нормальной семьи! Хочу ходить в театр, ездить на море... мы же никуда не ходим! У тебя кто-то есть! Я чувствую, ты стал чужой, я же все равно узнаю! Имей в виду...

– Никого у меня нет, – перебил он. – Хорош орать! В ушах звенит.

– Ты каждый вечер в баре или... не знаю, где! Чего тебе не хватает?

– Хочешь услышать?

– Хочу! Ну?

– Без толку! С тобой не о чем говорить, ты скандальная...

– Заткнись, сволочь! – Женщина швырнула в мужа чайной ложкой. Тот увернулся, и ложка, звякнув, упала на пол. – Ой, сердце... – Закатив глаза и приложив руку к груди, она стала сползать со стула.

– Ты у меня вот где, поняла! – Он резанул себя ладонью по горлу. – Осточертел твой ор! Все осточертело! Завтра же подаю на развод. И не надо театра, насмотрелся! – Он выскочил из кухни, забыв про кофе.

Жена швырнула ему вслед чашку и снова громко зарыдала.

...Так они и жили. Утром, когда встало солнце, от ночной бури не осталось и следа. Светлана, подкрашенная и красиво причесанная, убрала осколки, протерла пол и возилась с завтраком: варила кофе и делала бутерброды с любимой ветчиной супруга; выжимала апельсиновый сок. Тимофей, благоухающий туалетной водой, при галстукке, бодро переступил порог кухни, поцеловал жену в щеку и сел завтракать. Общались супруги как ни в чем не бывало, будто положительные карамельные герои в сериалах; о вчерашней безобразной сцене и разводе никто даже не заикнулся. Пар был выпущен и мир восстановлен. Чего не скажешь сторяча!

Что там говорит народная мудрость про одну сатану? То-то.

– Представляешь, мы получили заказ на сотню гномов, – сообщил Тимоша. – Удачная модель! Причем чем ярче, тем больше хватают, средний размер самый ходкий, до пятидесяти сантиметров. Еще мухоморы, волки и рыбы...

– Рыбы? На газоне?

– Именно! Представляешь? Сам не ожидал, теперь подумываю о лягушках. Рома предлагает открыть филиалы в области, он узнавал, там нет ничего подобного. Как, по-твоему, стоит ввязаться?

– Ну... не знаю, а если не пойдет? Денег жалко!

– Заработаем! Конечно, сначала все подсчитаем, съездим с Ромкой на разведку... Мы с ним надумали расширить ассортимент, добавить белоснежку, Бабу-ягу, Дракулу и этого... Годзиллу на задних лапах. Народ строится, всем нужна керамика на газон. Мы даже задумались над фонтанами с лягушками... но это пока сложно. Вообще, я полон идей и замыслов! Набросал эскизы, хочу, чтобы ты посмотрела. Всегда доверял твоему вкусу.

– Посмотреть можно, но... и так все вроде хорошо, может, не нужно торопиться? – сомневалась Света. – А почему не памятники?

– Свет, времена сейчас сама знаешь какие, остановишься – сожрут! Ромка может отколоться и начать свое дело, хапнуть общие идеи... Между прочим, мне шепнули, что он ведет переговоры на стороне. Идеи надо столбить под нашим брендом! Насчет памятников... может, позже.

Как читатель уже понял, Тимофей Сабуров, владелец небольшой фабрики-цеха, производящей фигурки для газонов, – художник, человек творческий и полный замыслов. Художник, правда, в прошлом, причем не очень удачный, скорее заурядный. В его картинах не было полета и дерзости, хотя они продавались. Кстати, познакомились Тимофей и Светлана на выставке городских художников. Она, оплакивая мужа, предпринимателя, погибшего в ДТП, забрела туда случайно и остановилась перед его картиной – приятным глазу пейзажиком, похожим на омлет, посыпанный зеленым лучком, а он подошел и заговорил... Она смутилась – это не ее круг, он казался ей небожителем! Он же был снисходителен, ему льстил ее трепет. Это стало началом их отношений...

Кстати, необходимо признать: не все его идеи были плодотворны, иногда приходилось терять... как, например, с идеей производить женщин палеолита. Все знают, такие, гм... своеобразные женские фигурки с большим бюстом и маленькой головой, найденные при раскопках. Так и называются: «Венера палеолита». Вещь для понимающих. Он тогда загорелся, но почему-то не задалось. Понимающих оказалось раз-два и обчелся, народ не воспринял новации, что доказывает: художественный вкус на нуле. А сейчас пошла карта, и Тимофей был полон радужных надежд.

Фабрика керамических гномов, между прочим, называется «Светлана»...

Глава 6. Любовники. Часть первая

*...Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, тёмная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.*

А. Блок. Часовая стрелка близится к полночи

– По-моему, Кирка, скотина, что-то подозревает, – сказала Настя, приподнимаясь на локте и заглядывая мужчине в глаза. – Он так на меня смотрит... Вава, я боюсь!

– Глупости! – ответил мужчина по имени Владимир, но для нее – смешное и неожиданное Вава. – Мы обсуждали кое-что вчера, я бы заметил. Эти айтишники на своей волне, ему и в голову не приходит, что мы вместе.

– Он меня ненавидит, – сказала Настя. – Согласна, Кирка весь в себе, но он хитрый и подлый, все исподтишка... Он сделает все, понимаешь? Все, чтобы уничтожить меня! Венька его обожает... как же, наследник! Он всему поверит.

– Если за столько лет не уничтожил... Не преувеличивай, я бы почувствовал, у меня знаешь какой нюх? – Мужчина потрогал нос и рассмеялся. – Он сам не прочь с тобой перепихнуться! Повезло Веньке! Все мужики мечтают с тобой...

– Замолчи! – Настя закрыла ему рот ладонью. – Иногда он так смотрит на меня... – Она поежилась. – А однажды сказал, если я позволю себе утехы на стороне, он меня убьет. Ты его знаешь, он правда убьет. Он убийца! Веню Крутого знают все!

– Не убьет, не бойся. Те, кто поднялся в девяностых, крутые мужики, не спору, но это в прошлом. Да и не верю я, что он убивал, слишком умен для убийства. Иди ко мне! Страх подхлестывает, не находишь? Веришь, сижу на совещании и представляю нас вместе... тебя, твой смех, твои губы, язычок... как у змейки! У меня еще никогда не было такой женщины, честное слово! Смотрю на босса и думаю: «А ведь ты, братец, рогоносец! И я тяну твою супругу...» Как он называет тебя? Девочка? Моя девочка! – Он рассмеялся. – Ты моя девочка? Наша!

– Фи! Тяну... Сказал бы, что любишь! Твоя, твоя!

– Люблю! Люблю, хочу, подышаю... каждую минуту! Моя царевна! – Он потянул ее к себе, она увернулась и расхохоталась...

– Давай сбежим куда-нибудь, – сказала Настя, когда они лежали, взявшись за руки, восстанавливая дыхание. – Я не могу с ним больше... Противный старый козел!

– Сбежим? Имей в виду, я скромный финансовый директор, а ты у нас женщина дорогая. Жить на что будем?

– Придумай что-нибудь, финансовый директор! – Она поднесла к губам его руку, поцеловала. – Ты же умный, все знаешь, на тебе все держится. Все ходы-выходы... Сообрази! – Она смотрела на него в упор.

– Сообрази... – повторил он, отводя взгляд. – Легко сказать!

– Между прочим, твой зам бьет под меня клинья, на кофе приглашает!

– Валера Клочков? И этот сопляк туда же! Ну, Настасья! Расскажу Вениамину. Мы не позволим!

Настя рассмеялась, легко поднялась и ушла в ванную.

– Куда? – закричал мужчина, но ответа не последовало; спустя минуту он услышал звук льющейся воды.

Она появилась нагая, встала перед зеркалом; на спине сверкали капельки воды, влажные светлые волосы рассыпались по плечам.

– Туська, ты ведьма! – воскликнул мужчина – он все еще лежал в постели. – Может, останешься?

– Не могу, у нас сегодня семейный ужин.

– Ты не говорила. По поводу?

– День рождения Нины. Представляешь? Семейный праздник! – Она фыркнула.

– Нина... мать Кирки? – спросил мужчина.

– Ну да! Мать и супруга. Празднуем каждый год! Шампанское, ее любимые цветы...

– Какие?

– Белые лилии, чистые и непорочные, как она сама. У меня на них аллергия. Сопли, воспоминания... Как они учились в одном классе, как поженились и у них была одна комната и одни валенки на двоих, как они считали копейки, сидели на хлебе и воде и при этом безумно любили друг дружку. В смысле, не в деньгах счастье. Идиотская глупость! Как богатенький Буратино, так сразу не в деньгах счастье! Ну так раздай бедным и будь счастлив! Как родился сын, первый зуб, первое слово, как пошел в школу... Представляешь маразм? – Настя расхохоталась. – Скажи кому, не поверит! Даже кино смотрим! Черно-белое, затраханное до дыр! Ну вот скажи, как такой бандюк, как Венька, может быть настолько сентиментальным? У него даже тату ниже локтя: «Нина Веня любовь»! Представляешь? С завитушками!

– Все бандюки сентиментальные, – заметил Вава. – Сколько лет уже ее нет?

– Семь. А завтра с утречка культпоход на кладбище! Все в черном, лимузины, венки, Шопен. Снова лилии... чисто тебе Сицилия! Венька пустит слезу, я в шляпе с вуалью, тоже в черном, поддержу любимого супруга под локоток, Кирка с похоронной мордой, сестра Веньки, старая гримза... Династия! Ненавижу!

– Бедная! – рассмеялся мужчина. – Сочувствую. Ты знала ее? Они действительно так хорошо жили? Что она была за человек?

– Что за человек? – Настя пожалала плечами. – А как, по-твоему? Венька бандюк и убийца, она об этом прекрасно знала. От нее остались цацки, золото, платина, камешки... все запредельное! Так он прячет, не разрешает трогать, представляешь?

– Тебе грех жаловаться, – заметил Вава.

– Никакого сравнения! – воскликнула Настя. – Видел бы ты... там один браслет антикварный чего стоит! Платина и крупные квадратные сапфиры, а вокруг бриллианты! Восемнадцатый век, Италия. И не только... – Она махнула рукой.

– Значит, завтра никак? – спросил мужчина после продолжительной паузы.

– Никак. Потерпишь?

– Постараюсь. А ты думай обо мне, лады?

– Ага, буду пить за упокой и думать, как мы с тобой тут кувыркаемся. Послезавтра забегу. Проводи, разлегся тут!

Вава, завернувшись в простыню, последовал за ней в прихожую.

– Кстати, прочитал в Инете значение твоего имени... никогда не задумывался, оказывается, всякое имя имеет значение. Ну мое, понятно, володарь мира. А ты, оказывается, воскресшая и возвращенная к жизни.

– Ага, еще бессмертная! – рассмеялась Настя. – А вместе мы – сила! Космос за нас.

– Контрольный поцелуй! – Мужчина попытался поцеловать ее, но Настя отпихнула его и выскочила за дверь.

Он вернулся в спальню, отбросил простыню, встал перед зеркалом. Поиграл мускулами, сделал зверское лицо:

– Володарь мира! Всех порву!

Глава 7. Первые шаги

Создайте систему, которой сможет пользоваться даже дурак, и только дурак захочет ею пользоваться.

Принцип Шоу

– Ну и как нам его назвать? – спросила себя Юлия Черникова, рассеянно глядя в окно.

Это та самая, преисполненная альтруизма и любопытства девушка, бизнес-психолог, которая вознамерилась открыть клуб для неудачниц и посмотреть, что из этого получится. Возможно, читатель ее помнит. У нее еще подруга Инга, полная скепсиса, которая не верит, будто у Юлии выйдет что-то путное, так как человека не переделаешь, и в наше время каждый сам за себя, а то развелось, понимаешь, курсов для поднятия самооценки, воспитания оптимизма и достижения невиданного успеха... как собак нерезаных. Причем не бесплатных – курсов в смысле. За удовольствия надо платить. Одним словом, дохлый номер. Но Юлька упертая, как пень, если решила, то с места не сдвинешь. Пусть, махнула рукой Инга, чем бы дитя ни тешилось! Забудет про отъезд... заскучала, видите ли, сбежать надумала. Никита, говорит, надоел. Никита! Надоел! Скажи кому... Плакатный красавец, при должности, влюблен как мальчишка! Да любая... только свистни!

С Юлькой всегда так: сначала восторги, охи, ахи, любовь до гроба, а потом – финита. Все, надоел! Туман рассеялся, и вылезло мурло: дурак, павлин, книжек не читает, сопит, пьет пиво – по три литра зараз. Три литра пива! Хотя Никита не пьет, а, наоборот, спортсмен и ведет здоровый образ жизни. Не суть важно, почему именно, список можно продолжать бесконечно. Надоел, и все. Владик, Юрка, Стас тоже надоели, еще раньше. Это навскидку. Если подумать, можно раскопать еще... надоевших. Не Юлька, а Дон Жуан в юбке! Ее девиз: *«Мужчина должен удивлять!»* Инга в корне не согласна: никаких сюрпризов, знакомое зло предпочтительнее. Ее собственный девиз: *«Хочу знать его как облупленного»*. Инга реалист, стоит двумя ногами на земле, созрела для замужества и выбирает достойного. А Юлька вечно болтается в облаках...

«Как назвать, чтобы завлекало, пробуждало оптимизм и давало надежду! – раздумывала Юлия. – *«Каблучки»* и *«Челочки»* не предлагать... бр-р-р! Нам нужен интеллект, деловитость и никаких сюсю-мисю. Что-то из истории?» *«Нефертити»*? *«Клеопатра»*? Ну... это скорее для спа-салонов. Значит, зайдем с другого боку. В чем смысл? Слепить новую личность и вдохнуть в нее что-нибудь жизнеутверждающее. *«Галатея»*? *«Адреналин»*? *«Амазонка»*? *«Пигмалион»*?»

Она рассмеялась. «Ну какие из них амазонки! *«Пигмалион»* скорее для мужчин. А если из музыки? *«Мадам Баттерфляй»*? Почему? Красиво звучит. И музыка. Но нам совершенно не подходит, пример неудачный. *«Богема»*? *«Аида»*? Не в тему. Из сказки? *«Феникс»*? По смыслу вроде проходит... но, но, но... что-то чудится куриное! Клуша с яйцами. Нет и нет. Надо что-нибудь легкое, порхающее... *«Золушка»*!»

Юлия фыркнула:

– Да сколько можно! Ни в коем случае, задолбали... Золушки. Нужно что-то женственное и необычное... Короткая юбочка, улыбка, стремительность! *«Балерина»*! – Юлия вспомнила женщину из кафе с налипшим на губе кремом и снова рассмеялась. – Нет! Опять не наш случай. Нам бы что-нибудь попроще, но не слишком... заземлить надо. Мы – обычные бабы, как говорит Инга, без претензий – это она так кокетничает. Бабы... звучит сомнительно. А если подумать хорошенько, ничего унижительного: без претензий, значит, реалистка и знает, чего хочет. Знает себе цену... Почему сюда вкладывают негативный смысл? Нужно всегда знать себе цену, чтобы никаких обломов. А я знаю себе цену?

Юлия задумалась: «Самокритичность! Да. Еще уверенность в собственных силах, умение взвешивать «за» и «против», реализм. *Их есть у меня!* Инга называет себя реалисткой, а меня фантазеркой. Фантазия, воображение, парение... А если... если «Коломбина»? А что? Звонкое радостное слово... Неизбитое. Позитивное звучание. Между прочим, воздействие звуков на психику – целая неонаука. Уж кому знать, как не бизнес-психологу! Смотрите сами. Вернее, вслушайтесь. Буква «с» – страстность и чувственность, ассоциируется с сексом; «к» – надежность, покой, неназойливость; «а», «и» – радость и восторг; «л», «в» – женские звуки – вкрадчивые и ласковые; «б», «м» – жесткие, мужские; «о», «д» и «е» вызывают любопытство; в «р» и «у» – скрытая угроза, решительность, даже агрессия; шипящих лучше избегать, прямая ассоциация с рептилиями. Исключение – «ш», так как вызывает ассоциации с шоколадом. И так далее. Выбор имени для компании – *нейминг* – задача вполне стратегическая. Почему, спрашивается, одни названия успешнее других? «*Луи Виттон*» – удачный пример: положительная энергетика, гладко, обтекаемо, приятно слуху. «*Ланком*» – целый букет приятных звуков. Повторения приветствуются: ди, до, да, бу, ба, би! «*Адидас*». «*Бамбино*» – не пройдешь мимо. «*Бугабу*», «*Додо*», «*Коко-шоко*»... что бы это ни значило. Легко запоминается. Туда же «*Коломбина*»: ласкает слух, игриво, интересная ритмика – можно ударить сразу два слога: «ко» и «би» и произнести нараспев, вверх и вниз, тем более звучит как колокольчик или стихи.

Кто такая Коломбина? Ну, некоторое представление, конечно, имеется... персонаж итальянской комедии масок. Масок? Это хорошо, наш клуб анонимный. А точнее? Что говорит Вики? Читаем: «*Крестьянская девушка, которая в городе чувствует себя неуверенно и непривычно*». Необязательно крестьянская, просто неуверенная в себе. Тоже подходит. «*Изображалась как недалекая дуреха, но при этом подчеркивались ее честность, порядочность и хорошее настроение*». Кажется, то, что нужно. Насчет дурехи – перебор, не факт. Хорошее настроение – нормально, принимается, та же самооценка. Значит, клуб «*Коломбина*»! И картинку подобрать... что-нибудь поярче, в короткой юбочке, с улыбкой! В переводе с итальянского... ну-ка, ну-ка... голубка! Как интересно! На картинке обязательно голубь... в уголке, белый! Теперь текст!»

Она так увлеклась, что не сразу поняла – в дверь звонят. Два коротких, один длинный. Та, та, та-а-а! Инга!

Подруга влетела в прихожую возбужденная, в расстегнутой дубленке:

– Юль, весна! Ледоход! Побежали смотреть! На террасе куча народу! Кофе дашь?

– Дам. Ин, я придумала название для клуба...

– Какого клуба?

– Я тебе рассказывала, забыла?

– Бобрих-неудачниц? Я думала, ты забила. Ну и какое же?

– «Коломбина»! Как тебе?

– «Коломбина»? – удивилась Инга. – Ну... даже не знаю. Для школы танцев ничего, а для неудачниц... Мало гламура! Они же неудачницы, значит, побольше блеска и шика!

– Ага, «Каблучки» и «Леди-клуб»! – фыркнула Юля. – Помогите написать текст, ты же у нас литератор.

– Элементарно! Открываем первый попавшийся женский клуб... Кстати, «Женский клуб»! Чем плохо? Я шучу, успокойся! – закричала Инга, увидев, как помрачнела Юля. – Лучше, конечно, «дамский», но я не настаиваю. Я не против, сейчас подрежем текст у конкурентов и не будем выдумывать велосипед. Все уже выдумали до нас. Ну вот, смотри! Женский клуб... гм... «Березка», слоган: «*Будь уникальной, будь собой*». Не поспоришь, особенно если березка. Дальше. О нас: «*Мы клуб женщин, которые хотят достичь успеха и быть счастливыми в отношениях...*» – Инга расхохоталась. – И эти туда же, о мужиках! Все клубы о том, как захомутать мужика! Юль, ты тут не советчик, к тебе они липнут без всяких клубов. Идем

дальше. «...и жить в гармонии с собой и миром». Это как? Что значит, жить в гармонии с собой? Юль, объясни как психолог.

– Быть самодостаточной, не стесняться своей внешности, лишнего веса... мало ли!

– Ага, с песней по жизни. Это, между прочим, зависит от характера. Наша главная, например...

– Знаю! Толстая и все время жует. Насчет гармонии хорошо. Дальше!

– Не жует, а жрет! При этом слог от бога... и нюх! Идем дальше. «*Уникальное место для наполнения жизни яркими красками и познания душевного наполнения*». Сплошное наполнение. К нам в редакцию этого райтера не взяли бы даже курьером! Вот скажи, как ты будешь их душевно наполнять? Чем? Стихи читать? – Инга вопросительно смотрит на Юлию, та пожимает плечами. – Понятно. Идем дальше. «*Это место знакомства с неповторимыми людьми, которые ищут ключи к своим внутренним и внешним секретам...*» Юль, как это? Ключи к внутренним и внешним секретам? Что это, в принципе, такое? Какая-то сплошная внутренняя секречия! – Инга снова расхохоталась.

– Хватит! – резко сказала Юлия. – Не знаю.

– Подожди, тут еще анкета! Имя, почта, телефон и... *пакет*. Пакет? Квартальный, годичный... В смысле, сколько платить! Ого! – ахнула Инга. – Ты только посмотри, сколько они гребут!

– Мой клуб бесплатный.

– Напрасно. Ты же психолог, должна знать, что бесплатное не ценится. Хоть немного! На карманные расходы.

– Как, по-твоему, помощь сочетается с оплатой?

– Нормально сочетается. Ты тратишь свое время, развлекаешь их, платишь за аренду... утираешь сопли! Кстати, где ты их собираешься принимать?

– У себя в офисе. Текст напишу сама.

– Да ладно, Юлька, ты чего! Я напишу, если уж тебе приспичило. Понимаю: идущий по следам не приходит первым! Сообразим наш оригинальный брендовый текст... А где мой кофий?

Больше они о клубе не говорили. Пили кофе и болтали о всякой ерунде...

Глава 8. Странная смерть незначительной женщины

*Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.*

Кикаку. Заплатила дань

Капитан Николай Астахов стоял на пороге кухни, рассматривая лежащую на полу женщину, разлитый кофе, разлетевшиеся осколки чашки. На столе лежали открытая коробка шоколадных конфет и смятая оберточная бумага. Голова женщины была запрокинута, широко раскрытые глаза смотрели в потолок; на синих губах запеклась белая пена; кулаки сжаты, на правой руке кровь – видимо, ссадина от удара о край стола. Клацала фотокамера; перед телом на корточках сидел судмед Лисица.

– Ну что? – спросил капитан.

– Пока ничего. Можно уносить?

Астахов кивнул. Звали жертву Елена Степановна Добронравова. Она умерла, когда пила кофе и ела шоколадные конфеты, которые пришли по почте на ее имя от некой Зои Уколовой...

...Капитан сидел напротив растерянного мужчины – мужа покойницы, сверлил его знаменитым взглядом великого сыщика и задавал вопросы. Растерянный мужчина путано отвечал. Обычный, ничем не примечательный человек со стертым лицом, на котором читались неуверенность и испуг, сразу было видно, что он подкаблучник и лузер.

Во-первых, не муж, а гражданский муж, значит, никаких расчетов на наследство. Во-вторых, исходя из профессионального опыта капитана, на убийцу он не тянул. Но это не значило, что он не обладает нужной информацией.

– Я пришел в семь, у Лены сегодня отгул, в окнах был свет, открываю своим ключом, вхожу... тихо. Лена всегда кричала: «Паша, ты?» – Голос мужчины был уныл и монотонен, он делал частые паузы, собираясь с мыслями. – Позвал ее, значит, уже пришел, кричу, купил хлеба, как ты сказала... Она молчит. Я на кухню, а она на полу... табуретка перевернутая, чашка на полу, разбилась... Я думал, сердце схватило, потряс за плечи, а у нее губы синие и вроде пена идет... Я позвонил в «Скорую», они уже вам...

– Кем работала ваша супруга? – спросил капитан.

– В банке по кредитам. Лена – экономист, а я у них в охране, там и познакомились... уже четыре года... – Он беспомощно умолк.

– У вашей супруги были неприятности по работе? Возможно, она рассказывала... Или конфликт с клиентом?

Мужчина покачал головой:

– Не припомню... не было вроде. Лена любила свою работу... начальство к ней по-хорошему, на Доске почета висит. Она бы рассказала.

– Угрозы? Звонки по городскому телефону? Письма? Чужие люди, которые бросились в глаза?

– Угрозы? – Мужчина, казалось, испугался. – Какие угрозы? Не было никаких угроз! И звонков... сейчас никто не звонит по городскому, Лена давно хотела снять... руки не доходили. Сейчас у всех мобильники. Письма... может, на электронку? Чужие к нам не ходят... У нас домофон, только свои. У нее сердце иногда болело, она пила валерьянку...

– Вы знаете подруг вашей супруги?

– Ну, знаю... Люда Жаркова, работают вместе. Они все там дружат, Лена хорошая была...

– Кто такая Зоя Уколова?

– Не припоминаю такой... не было вроде.

– Вы знакомы с бывшим супругом жены? Она поддерживала с ним отношения?

– Не знаком. Они развелись десять лет назад, Лена никогда не вспоминала, сказала только, что пил и сволочь...

– Конфликты с соседями?

Мужчина покачал головой: нет! На его лице застыло недоуменное выражение, он не понимал смысла вопросов, ему все было ясно – сердце! Откуда конфеты, он не знал, имя на пакете было ему незнакомо.

...Подруга Людмила Жаркова, с которой капитан встретился на другой день, всхлипывая, заверила Астахова, что никаких врагов и конфликтов, филиал небольшой, все Лену любили, недавно на день рождения купили подарок – шикарный кофейник! Выпили шампанское... легкие закуски, было весело, у нас традиция отмечать все дни рождения. А вчера Лена позвонила, сказала, что начинает новую жизнь, была такая веселая...

– В каком смысле новую? – переспросил капитан.

– Ну это мы так между собой: всё, девочки, начинаем новую жизнь! Лена сказала, что заберет гель для ванны...

– Не понял, – сказал капитан. – Какой гель?

– Для ванны! Сначала отказалась, а тут звонит и говорит: беру! И сапоги в «Мегацентре», завтра же! Новая жизнь, сказала, надо себя баловать. Ей школьная подруга прислала подарок – коробку шоколада. Говорит, представляешь, сижу, пью кофе и ем дорожный шоколад. Фамилии подруги не сказала, а зовут... вроде, Зойка. А с Пашкой они жили нормально, он безобидный. Родственников нет, развод с бывшим оформлен по закону, никаких претензий на квартиру, а больше ничего такого и нет. Дача, правда, есть... одно название, старая развалюха! Новая жизнь... – горько произнесла она. – Вот и начала...

История складывалась вполне нелепая: жертва, Елена Добронравова, сорока двух лет, скромная, спокойная, бесконфликтная, получила в подарок коробку дорогого шоколада, съела половину и умерла. А перед этим сообщила подруге, что начинает новую жизнь. Может, сердце схватило? Но нет. Судмед Лисица, жизнерадостный, несмотря на почтенный возраст, сказал, похоже на яд и нужна экспертиза. Не факт, что в конфетах, опять-таки нужна экспертиза. Шоколад дорогой, муж вряд ли причастен, да и мотива нет. Спрашивается: кому выгодно? Весь оперативный опыт капитана сопротивлялся странной реальности, и в голове у него тревожилась одна-единственная, похожая на версию мысль о том, что жертва, возможно, оказалась свидетелем чего-то... причем сама того не зная. Но это было скорее из области детективной фантастики, в духе друга капитана, главного редактора местного издательства «Арт нуво» Савелия Зотова. На вопрос, не рассказывала ли ее подруга чего-нибудь *такого*, заданный с отвращением, Жаркова недоуменно уставилась на капитана и спросила:

– В каком смысле рассказывала? Что?

– Возможно, ваша подруга стала свидетелем аварии или какого-то происшествия... Ничего такого не припоминаете?

– Аварии? У них же нет машины! – воскликнула женщина.

– Понятно, – вздохнул капитан. – Возможно, она видела драку или разбойное нападение... – Жаркова покачала головой. – Или узнала о подлоге...

– Каком подлоге? В смысле, у нас в банке? Ну что вы! Мы второй год подряд лучший филиал, ни одной жалобы!

– А может... – капитан мысленно чертыхнулся, – может, она с кем-то познакомилась и...

– Лена? Ну что вы! Она очень домашняя... Хотя, если честно, я удивилась, чего это она вдруг решила купить гель и сапоги, и новая жизнь... – Жаркова задумалась и посмотрела на потолок, потом перевела взгляд на капитана: – Вы думаете, у нее кто-то был? И он прислал

ей... – Она вдруг ахнула. – Маньяк! Отравил! Сделал вид, что от подруги! Лена очень любила шоколад... А что, знакомится с женщинами и потом травит! Лена ничего не говорила, но, если честно, я чувствовала: она что-то скрывает... Вы не поверите! Чувствовала! Еще, помню, сказала ей, ты чего, Лен, влюбилась? Прямо светишься! Гель для ванны, сказала, возьмет и еще... – Жаркова замолчала, смутившись.

– Что-то вспомнили? – спросил капитан, уже ни на что не надеясь – начинались мифология и домыслы, как называл эту фазу допроса свидетелей другой друг капитана, философ Федор Алексеев.

– Лена сказала, что заберет комплект, сначала отказалась, а потом позвонила и... Она никогда, понимаете, ну... в смысле, не признавала такие вещи, очень простая, понимаете, обыкновенная, да и денег жалко, а тут вдруг... – Жаркова запнулась.

– Какой комплект?

– Ну... лифчик и трусики, розовые с вышивкой. – Она вспыхнула. – Говорит, пью кофе и ем шоколад, решено, начинаю новую жизнь!

Капитан мысленно застонал и вдруг вспомнил, как Савелий Зотов рассказывал про *рандомного* убийцу, который убивал женщин не то на определенную букву, не то определенного возраста, не то в синем пальто, поставив тем самым на уши всю местную полицию. Развлекался так. Причем не будучи даже знаком с жертвами. Отмахнувшись от нелепой мысли, капитан распрощался с подругой жертвы и отправился в банк, чтобы поговорить с начальником Елены Добронравовой...

Глава 9. Бойтесь своих желаний...

Если вам все равно, где вы находитесь, значит, вы не заблудились.
Правило Руна

Адвокат Алик Дрючин открыл дверь своим ключом; звонить не стал, надеясь, что, возможно, сожитель уже спит – час ночи на дворе, в то же самое время понимая, что вряд ли и предстоят разборки. Ши-Бон будет орать, что он, Алик, дешевка, путается с дешевками, которые за копейку удавятся, и втянул в свою дешевую орбиту его, Шибаева, заставляя подглядывать в замочные скважины и лезть под одеяла.

Ничего нового, очередной нервный срыв. Тут главное – не отвечать и дать ему выкрикаться. Алик прекрасно понимает, что он тут ни при чем – все нелепая, дурацкая, бесперспективная шибаевская жизнь. Ну так пусть выпустит пар, иначе для чего, спрашивается, друзья. А он, Алик, тем временем сварит кофе, достанет коньячок, нарежет лимончик...

Главное, оставаться оптимистом. Руки-ноги целы, желудок работает, глаз как у орла... чего еще! Да оглянись ты вокруг – причин для радости воз и маленькая тележка! Набей кому-нибудь морду, в конце концов, если тебя это заводит. И вообще, скоро весна, можно сбросить осточертевшую дубленку и волчий треух, от которого у Алика закладывает уши, вдохнуть полной грудью сладкий весенний воздух. Говорят, река пошла, нужно успеть посмотреть... да мало ли! В Центральном парке не сегодня-завтра вылезут синие и белые крокусы, скоро Масленица, потом Пасха... малиновый перезвон... Можно махнуть на океан, давно собирались... В Мексику! Пирамиды, аптеки, Карибы... эх!

А Ши-Бон вечно недоволен, брюзжит и смотрит волком. С другой стороны, а кому сейчас хорошо? Так, чтобы уж совсем-совсем и прямо-таки ничего больше не надо? А? Не видать что-то. Поэтому нужно извлекать положительные эмоции из всего – он, Алик, так и делает, а Ши-Бон не умеет. Максималист: все или ничего. Понятно, обида, никто не спорит, но сколько можно? Тем более даже в рутине частного сыска случаются такие яркие моменты... среди замочных скважин и мятых простыней, куда там мастерам детективного жанра! Жемчужины в навозной куче! В жизни всегда есть место чуду. Взять хотя бы браслетного убийцу... Или богатую наследницу Яну с фотостудией... славная девочка, ностальгически вздохнул Алик. А ведь если бы не Ши-Бон... не они оба, страшно подумать! Или сиреневый бриллиант из склепа, который был на расстоянии вытянутой руки!⁴ Да пойми ты, чудак, втолковывал он сожителю, ты свободен в поиске! Тебе не нужен ордер на обыск, не нужно отпрашиваться, щелкать сапогами и рывать «есть!» по любому поводу и без, ты сам себе хозяин: хочу – сижу в засаде, хочу – устраиваю несанкционированный обыск или хожу следом! Вольный казак!

Алик – мастер разговорного жанра, он и мертвого уговорит; на какое-то время его аргументы действуют, Ши-Бон прислушивается, в нем пробуждается интерес к жизни, но потом все возвращается на круги...

А все почему? Откуда эти депрессии, нытье, кризисы? Да все оттуда! Ши-Бон хоть и волк, но стадное животное, ему нужны товарищи по работе, начальство, оперативки и ориентировки, а он, Алик, волк-одиночка! Сам по себе, без указующего перста вышестоящего по званию, ибо главное для любого индивида – свобода! Сво-бо-да. «Интересная мысль, надо будет развить для Ши-Бона», – подумал Алик.

Он запер дверь и постоял в прихожей, прислушиваясь. Все было тихо. «Спит, – с облегчением решил Алик, – значит, воспитательный момент можно перенести на завтра, а там, гля-

⁴ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Браслет с Буддой», «Знак с той стороны» и «Закон парных случаев».

дишь, само рассосется». Он поставил на тумбочку портфель и стал стаскивать дубленку. Раздевшись, на цыпочках прошел через гостиную, приотворил дверь в спальню и замер, увидев в свете слабого уличного фонаря, проникающего через незадернутое окно, криво застеленную пустую кровать. Ошеломленный Алик включил свет и удостоверился, что Ши-Бона в спальне нет. Он тут же достал из кармана мобильный телефон и набрал сожителя, но механический голос оператора приветливо сообщил, что абонент временно недоступен. И как это прикажете понимать?

Сна не было ни в одном глазу. Озадаченный Алик сварил кофе, вылил туда полбанки сливок и достал из буфета коньяк. Поколебавшись, сделал бутерброд с копченым мясом. Вредно, конечно, на ночь, но раз такое дело... Он жевал мясо, отпивал коньяк, отхлебывал кофе и раздумывал, куда подевался Ши-Бон. Периодически набирал его номер, но всякий раз ему отвечал оператор...

Читателю тоже должно быть интересно, куда подевался Ши-Бон? Сейчас проясним ситуацию. Он в это время сидел за стойкой бара «Берлога», куда забрел совершенно случайно, так как не хотел идти домой и общаться с Аликом. При этом он обещал себе, что завтра же запихнет его шмотки и парфюмерию в чемодан и выставит за дверь. Хватит! Достал. В конце концов, у адвоката есть собственные апартаменты, скатертью дорога. Подобные акции время от времени имели место, но всякий раз все само-собой сходило на нет, и Алик оставался. Всякий, но не теперь.

Он допил третий стопарик водки, когда его тронули за плечо. Шибаев обернулся и увидел лыбящуюся нетрезвую рожу незнакомого мужика.

– Слышь, браток, подвинься, а? Нам бы вместе.

Из-за его плеча выглядывали еще двое. Шибаев кивнул и пересел.

– Спасибо, браток! – Мужчина похлопал его по плечу; от него шибануло густым перегаром. – С меня причитается!

Шибаев заметил несколько наколок на руке, в глаза бросился перстень с черепом. Сиделец! На свободу с чистой совестью, встреча с друзьями. Герой! Вон как в рот заглядывают... мелкая шпана. Он отвернулся. Компания расселась и загомонила. Шибаев кивнул бармену и получил новую порцию водки. Место было не ахти, обыкновенная рядовая забегаловка с раскачивающимся прожектором и работающей плазмой для тех, кто за стойкой, и с певицей в трусах для тех, кто в зале. Удивительно, что здесь есть певица! Народу раз-два и обчелся: одинокие мрачные, плохо одетые личности, из тех, что просидят до полночи за одним стаканом пива. Раньше бывать здесь ему не приходилось.

Компания рядом вдруг затихла, и Шибаев, любопытствуя, невольно повернул голову. Они смотрели на певицу; главный выматерился, остальные одобрительно загоготали. Шибаев нутром почувствовал, как накаляется атмосфера – у него даже под ложечкой засосало; он поймал внимательный взгляд бармена – долгий миг они рассматривали друг друга в упор. Шибаев бросил на стойку несколько купюр и поднялся.

Компания, прихватив стаканы, переместилась за столик у сцены. Певица пела слабым голоском, покачиваясь в ритме мелодии и едва не заглатывая микрофон. Тощенькая, лет восемнадцати, с торчащими белыми жидкими прядками. Компания ржала, рассматривая ее. Главный подошел к сцене; в руке его был бокал пива; двое других наблюдали. Он протянул девушке бокал, она сделала вид, что не заметила, но отступила в глубь сцены, продолжая петь. Один из наблюдавших выругался, подзадоривая товарища. Тот полез на сцену. Девушка перестала петь. Лицо у нее стало растерянным, и Шибаев, задержавшись у выхода, подумал, что она тут новенькая и не знает, как себя вести. Он посмотрел на бармена – тот держал в руке мобильный телефон. Интересно, кому он собирается звонить... в полицию вряд ли, никто не хочет связываться с ментами, скорее всего, своим. Выжидает пока – может, само рассосется. Не рассосется.

Сиделец с наколками вылез на подиум и схватил девушку за руку; она вскрикнула и попыталась вырваться. Группа поддержки в восторге завопила и зашлепала ладонями по столу, подбадривая товарища. Шibaев вспомнил героя какого-то боевика, красиво сказавшего: «Видит бог, я этого не хотел!» – и со всей дури вмазавшего плохому парню, после чего началось махалово, и кто-то въехал головой в разноцветные бутылки. Шibaев вернулся в зал и пошел к сцене, краем глаза отметив, что бармен набирает номер по мобильнику – значит, у него есть минут семь-восемь, чтобы разобраться с этими, пока придут, вмешаются и... отнимут. У Шibaева даже кулаки зачесались от предвкушения драки, он почему-то вспомнил Алика Дрючина и блудливую парочку, его клиентов.

– Отпусти девушку, – сказал он негромко, уставясь на татуированного снизу вверх – позиция не очень выгодная.

– Ты чего, братан? – удивился хулиган. – Твоя тёлка?

– Отпусти, сказал! – Вполне вежливо, но голос и взгляд говорили за себя. У татуированного была возможность отшутиться, но он ею не воспользовался; спросил, ухмыляясь и подмигивая своим: – А то чё?

Двое дружков подошли сзади и задышали Шibaеву в затылок. Их было трое, целая стая, и они не чуяли худого. Две минуты прошло, оставалось около шести.

– Сейчас увидишь! – рявкнул Шibaев, запрыгивая на сцену.

Посетители вскочили с мест, самые любопытные подошли ближе. Девушка застыла в глубине сцены, прижав ладошки к щекам. К его чести, не он начал первым – слова не в счет. Татуированный размахнулся и промазал, почти задев скулу. Шibaев почувствовал боль, размахнулся и попал. Противник взревел, как раненый зверь, и попер на Шibaева; тот остановил его мощным ударом под дых. Девушка завизжала. Двое дружков полезли на сцену. Он услышал щелчок и резко обернулся, шкурой ощутив холод лезвия и чувствуя, что депрессия улетучивается как страшный сон. Он достал кулаком одного из них, – тот не успел долететь до пола, как его догнал товарищ; звякнул упавший нож.

Татуированный пришел в себя и с ревом снова бросился на Шibaева. Вид его был страшен: окровавленное лицо, налитые кровью глаза, испачканная рубашка. Шibaев охнул от боли и тоже ударил: раз, другой, еще и еще. Бил, не помня себя, в полном остервенении. От последнего удара голова парня мотнулась назад, он раскинул руки и, застыв на миг, рухнул как подкошенный.

Публика захлопала. Один из лежавших на полу проворно уполз в угол, другой сидел, трогая рукой челюсть. Девушка смотрела молча, с ужасом. Шibaев опомнился и спрыгнул со сцены. Бармен стоял за стойкой, зажав в руке мобильник. С улицы долетел рев полицейской сирены; он ошибся – бармен все-таки вызвал полицию, на случай если дойдет до смертоубийства. Вот только полиции для полной расслабухи ему не хватало!

Шibaев выскочил из бара, бросился за ближайший угол, в какую-то полутемную узкую улочку, пробежал метров пятьдесят и вдруг почувствовал, что теряет сознание. Прислонился к ледяной стене дома и закрыл глаза; его знобило; тяжело дыша, он постепенно приходил в себя. Поднес к лицу руки, увидел сбитые в кровь кулаки. Вспомнил, что куртка осталась висеть на вешалке в баре и почувствовал мгновенный укол страха – документы! Похлопал себя по груди и перевел дух, нащупав в кармане паспорт и мобильный телефон...

Глава 10. Добрая самаритянка, или Непрошенный гость

*И в зле добро, и в добром злоба,
Но нет ни добрых, нет ни злых,
И правы все, и правы оба...*

И. Северянин. Промельк

...Он не услышал шагов и вздрогнул, когда рядом раздался женский голос. Женщина о чем-то спрашивала, но слов он не различал. Только голос с вопросительной интонацией, озабоченный, неясный, как будто из-за стены. Он открыл глаза и провел рукой перед лицом, стремясь убрать эту стену. Женщина стояла перед ним, невысокая, освещенная сзади слабым светом фонаря; лицо ее оставалось в тени.

– Вам плохо? – повторила она. – Может, «Скорую»?

– Не нужно... – Голос был чужим, сиплым, и во рту ощущался солоноватый привкус крови. – Нормально.

Она рассмеялась, и Шibaев вяло удивился – смешного в происходящем было мало, вернее, его не было вовсе.

– Больно?

– Нормально.

– Вам легче?

Легче? Станный вопрос, если подумать. Но Шibaеву не думалось – боль была в затылке и тошнота подкатывала, но «внутреннее состояние», как называл это Алик Дрючин... «внутреннее состояние» было в порядке – как будто воздушный шарик отпустили, и он улетел в голубое... ночное небо... к звездам. Легкость и парение... с привкусом крови. Или покачивание на волнах. Сейчас бы прилечь...

– Легче, – сказал он, проведя языком по разбитым губам. – Звезды...

– Звезды, – согласилась она. – Идти можете?

– Куда? – Он почувствовал, как меркнет в глазах и ярче высвечивается световым ореолом силуэт женщины. Ему даже показалось, что он увидел крылья у нее за спиной...

– Пошли! – скомандовал голос. – Тут недалеко.

– Уже... пора? – пробормотал Шibaев и услышал, как она снова рассмеялась...

...Скорбный путь почти не остался в его памяти; очнулся он на диване в чужом доме. Ярко горела люстра, рядом сидела молодая женщина и внимательно его рассматривала. У нее были голубые глаза и темные волосы, собранные в пучок.

– Больно?

– Не очень, – сказал Шibaев, в свою очередь рассматривая женщину. – Вы кто?

– Я Лина, вы у меня дома. Я привела вас с улицы, вы подрались, и вам стало плохо. Сейчас приведу в порядок. Как вас зовут, помните?

– Помню. Александр Шibaев.

– Александр... защитник! Понятно. Где болит?

Шibaев задумался, неуверенно произнес:

– Голова... болит. – Потрогал рукой лицо, провел языком по губам: – Здесь тоже. Ерунда!

– Сейчас пощиплет немного. Смотрите на меня! Вы помните драку?

– Помню. – Он зашипел от боли – она вытирала ему лицо ватным тампоном.

– Голова кружится? Тошнит?

Он подумал и сказал:

– Нет, кажется... уже.

– За что вы его?

– Он пристал к девушке...

– А вы, значит, ее защищали, да? Еще чуть-чуть, я почти закончила. Ваша знакомая?

– Нет.

– Вы часто деретесь?

– Нет.

– А просто поговорить нельзя было? Убедить?

Шибает снова задумался.

– Можно, – признал он честно.

– Захотелось острых ощущений? Один против троих?

– Бывало и похуже.

– Любите рисковать?

– Вы тоже любите... рисковать, – пробормотал он. – Зачем... – Он не закончил фразу, но она поняла.

– Люблю! – Она рассмеялась, и он вспомнил – она смеялась так же, как раньше на полутемной узкой улице. – У меня хороший ангел-хранитель. Наверное, пожалела, захотелось поиграть в добрую самаритянку. Вы же не убьете меня... Александр?

– Нет. А если он не успеет... ангел? – Шибает не знал, кто такая добрая самаритянка, но общий смысл сказанного уловил.

– Мне тоже интересно. Пейте! – Она поднесла к его губам стакан. – Сейчас станет легче.

Шибает стал пить, с трудом глотая пузырчатую жидкость, горьковатую на вкус, с неприятным лекарственным запахом.

– Кто вы, Александр? – спросила женщина. – Спортсмен? Полицейский? Охранник? Вы умеете драться.

– Частный предприниматель, – сказал Шибает. – Откуда вы знаете?

– Увидела в окно. Шла мимо и увидела. Все было как в кино. А потом приехала полиция. Нет, вы не полицейский, так рванули от них...

– А вы?..

– Вы плохо выглядели, Александр, и я подумала, что можете упасть. Как видите, я не ошиблась. Вы сказали, частный предприниматель? В какой сфере?

– У нас с другом детективное агентство... он адвокат. – Шибаету казалось, что наличие партнера-адвоката придает вес его ничтожному бизнесу.

– Частный детектив! – воскликнула она. – Конечно! Как я не догадалась! Брутальный мачо со склонностью выяснять отношения с помощью кулаков. Как в боевиках. Часто деретесь?

– Как придется. Просто... – Он запнулся. – Понимаете, все достало! И Дрючин, и клиенты... Все хреново!

Что-то было в ней располагающее, и он, неожиданно для себя, рассказал то, чем обычно не делился, тем более с чужим человеком. Ему вообще было трудно говорить о себе, в отличие от Алика Дрючина, который, дай ему волю, задолбает адвокатскими байками, причем совершенно беспардонно присочинит при этом... Скажете тоже – к чему это кокетство и недужные красоты! Соврет! Соврет, потому что любит приврать, это проистекает у него от энергии, оптимизма и фантазии.

А Шибает так не умеет обычно, но не сейчас. Все вдруг стало трин-трава, в теле появилась странная легкость, голова ощущалась пустой; ему хотелось болтать и смеяться, и то, что с ним случилось, показалось страшно смешным: его драка, та перепуганная девчушка... даже бармен с мобильным телефоном! Он вспомнил окровавленную рожу сидельца и расхохотался; но тут же закашлялся и, почувствовав боль, схватился за грудь.

– Понимаю, – сказала она. – Если всё хреново, нужна разрядка. А почему вы ушли из полиции?

– Я не ушел, – признался Шибаев, совершенно не удивившись тому, что она откуда-то знает про полицию. – Так получилось... по глупости. Дрючин говорит, звезды встали...

– Дрючин ваш деловой партнер? Это фамилия?

– Ну! – Он снова рассмеялся. – А вы кто?

Она не отвечала и смотрела пристально; Шибаев почувствовал, как снова наливается тяжестью голова и меркнет свет, а ее лицо вдруг расплылось и стало неразличимым. Глаза закрылись сами собой, и его словно отключили – он перестал воспринимать окружающее. Женщина поднялась и укрыла его пледом; нагнулась, рассматривая; осторожно потрогала разбитые бровь и губу, синяк под правым глазом. Потом выключила свет и вышла из комнаты...

...Проснулся Шибаев на другой день утром и с удивлением обнаружил, что находится в незнакомой комнате, лежит, укрытый пледом, а вокруг тишина. Похоже, здесь больше никого не было. Он потрогал лицо, почувствовав боль и шероховатость полустынувших ран, рассмотрел сбитые косточки на руках; встал, отбросив плед. Подвигал плечами, покрутил шеей, побоксировал воздух – убедился, что ничего не сломано, он отделался всего-навсего парой синяков и разбитой физиономией.

Вспомнил троицу, с которой сцепился: окровавленный, с диковатым взглядом вожак, шестерки за его спиной... один с ножом. Вспомнил удар в лицо, разбивший ему бровь – теперь синяк на неделю, придется прикрыть очками; как отбросил тех двоих и обрабатывал главного – лупил, не помня себя. А потом появилась она... Лина! Ее зовут Лина... кажется. Появилась ниоткуда и спросила: «Обязательно драться?» Он честно ответил, что нет, просто душа просила... «*об дать кому-нибудь по морде*», как называет это состояние начитанный Алик Дрючин. Просила – и допросилась. «Легче стало?» – спросил он себя. И ответил: «Однозначно!» Любимое словечко адвоката. Однозначно стало легче. Дрючин там сходит с ума... надо позвонить.

Он заметил на журнальном столике листок из блокнота и карандаш; там было всего несколько слов: «Будете уходить, захлопните дверь. Кофе на кухне».

Шибаев постоял с листком в руке, постарался вспомнить ее лицо и не смог, зато вспомнил смех... Она засмеялась, почему – он тоже не помнил. Что смешного? Окровавленная физиономия, пьяный в дымину... Сколько он принял? Пять, шесть доз? Потому и полез... на сцену. Странная девушка. Притащить в дом незнакомого нетрезвого мужика в крови... это, знаете ли, большая глупость! Мягко выражаясь. Он вспомнил, как она сказала что-то про риск... Ангел-хранитель! У меня ангел-хранитель! И еще: «А вы любите рисковать?» Или как-то так... Оставила незнакомого мужика с разбитой физиономией в квартире... Дурочка! Ничему их жизнь не учит.

Он увидел большую фотографию на стене: немолодая женщина и девушка... Она! Подошел ближе. Пожилая, видимо, мать, они похожи. Лина! Он вытащил из кармана мобильный телефон и сделал несколько снимков... на всякий случай.

Обошел квартиру – тоже на всякий случай. Открыл дверь в спальню; заглянул на кухню, увидел на столе чашку, банку с кофе, стакан с водой и большую белую таблетку на салфетке. Приглашение, никак? Открыл холодильник – там было пусто. Конечно! Диета, листики... знаем!

На табурете лежала старая мужская куртка – похоже, для него. Он взглянул на окно, и ему показалось, что там пролетают снежинки...

Он нашел ванную, рассмотрел себя в зеркало. Синяк под правым глазом, разбитая бровь, распухшая верхняя губа... ну и рожа!

Кофе пить Шибаев не стал. Поколебавшись, бросил таблетку в воду – там зашипело. Морщась и ощущая колючки в горле, он залпом выпил бурлящую жидкость и резко выдохнул.

Вернулся в гостиную, аккуратно сложил плед; нацарапал карандашом на том же листке после ее строчки: «Спасибо!» Ниже номер своего мобильного... на всякий случай.

И ушел.

* * *

...У Сабуровых снова скандал. Все как всегда: Тимоша засиделся в баре, Света не ложилась и ждала, как Пенелопа. В итоге безобразная сцена, обвинения с ее стороны, угрозы развода – с его. Кажется, ему удалось нащупать болевую точку супруги: скандалит с удовольствием, а разводиться не хочет. Прекрасно понимает, что шансы на третий брак равны нулю. Возраст, характер, сомнительная внешность... а тут устоялось и не худший вариант. Еще как понимает! И насчет кладбища надеется, в смысле памятников, – еще не вечер, и надежда умирает последней. Характер нордический, неуступчивый, мощные голосовые связки и общая неутомимость – сильные аргументы в супружеском споре! И главная претензия: здоровый мужик, художник, а занимается фигней, лепит дурацких гномов! Гномов! Даже признаться стыдно... людям. То ли дело памятники!

Есть порода женщин, уверенных, что если хорошенько надавить, то все получится. Не дать денег, поставить в угол, выставить из спальни на диван в гостиную. Правда, со временем это перестает работать, тут главное – не пропустить момент протрезвления в супруге и сменить тактику. А то посмотрит он новым взглядом на спутницу жизни и подумает: да пошла ты! Достала. Тем более детей нет и делить нечего.

Короче, пришел Тимоша домой после бара, а Света в крик, как обычно. Когда жена выкричалась, он сказал, что берет кредит, уже договорился, проценты, правда, высоковаты, но... Он развел руками. А ты можешь подавиться своим баблом, обойдусь. Света поняла, что короткий поводок, на котором она держала супруга, лопнул, снова завела про памятники и параллельно гномов – в том смысле, что она не против и выдаст нужную сумму, если...

В итоге вечер закончился вполне мирно, хотя Тимоша сказал, что памятники ему поперек горла, но он готов наступить ногой и подумать. Они пошли на кухню перекусить: все знают, что от скандалов разгорается аппетит, и Сабуров в который раз поделился с супругой мечтой о Годзилле...

Глава 11. Любовники. Часть вторая

*Узы брака тяжелы. Поэтому нести их приходится вдвоем. А
иногда даже втроем.
Треугольник Дюма*

Он пришел первым, она опоздала. Она всегда опаздывает, прочно усвоив, что женщина, зная себе цену, должна опаздывать. Нет, не должна, конечно, а как бы это поэлегантнее... может себе позволить опоздать, а он пусть ждет, смотрит на часы, переживает и торчит у окна. Равенство, эмансипация, двадцать первый век... да, да, конечно... но, честное слово, девушки, опаздывайте хотя бы на десять минут! Это так женственно! Любой психолог скажет. И прекрасно работает.

Заслышав звонок, он стремительно бросается к двери, втаскивает ее внутрь, трепеща, прикидывая долгим поцелуем... через вуаль, а от нее пахнет морозом... Что-то такое сказал один известный автор про фантастический вкус поцелуя через вуаль с мороза. Знал же толк человек! Читатель, возможно, скажет, что это тысячу раз обыграно везде, где только можно, клише, надоело и все такое... Но самые обыгранные и обкатанные вещи заходят и действуют: чем проще, тем безотказнее. Инстинкты вообще очень примитивны. Недаром народная мудрость настаивает на отсутствии нового под луной.

Поцелуя в прихожей не получилось, Настя была не в настроении. Она пролетела мимо Вавы, швырнула сумку на журнальный столик, упала на диван, закричала: «Ненавижу!», закрыла лицо ладонями и зарыдала.

– Туська, что случилось? – Вава беспомощно затоптался рядом.

– Он со мной не разговаривает!

– Почему?

– Потому! Напился на поминках до сердечного приступа, пришлось вызывать «Скорую». Кирка, сволочь, говорит: ну что, спишь и видишь, как батя тебя освободит? Молодая богатая вдова...

– Так и сказал? А ты?

– Послала!

– А как он сейчас? У нас никто ничего не знает.

– Тайна! Из шкуры вон лезет, как же, он в седле, крепкий мужик, сказал-сделал! А тут сердчишко пошаливает. Стыд и позор. Я говорю, может, в больницу, а он смотрит волком... разговаривать перестал. Кирка от него не отходит: отец, отец, за руку держит, запираются в кабинете... Нутром чую, хочет скинуть на него бизнес.

– Не потянет. Мелкий, мстительный хореk, всюду лезет... Босс – это фигура, согласен. Стратег, политик... А наследничек угробит все на фиг. У нас с ним была непонятка когда-то, Веня разрулил. Теперь точно уволит. Приведет своих...

– Успокойся, такие дела сразу не делаются. Боюсь, он что-то подозревает про меня.

– Кирка?

– Веня. У него в столе моя фотка с Валерой Ключковым, в вашем кафе. Случайно столкнулись, посидели пару минут... Ничего не спросил, представляешь? Придерживает, собирает компромат. Не удивлюсь, если наймет ищейку! Вон Майки Ищенко муж подал на развод, детектив раскопал, что у нее любовник... это моя подруга. Ободрал и оставил ни с чем!

– Подожди, ты и Валера Ключков? Как это, в кафе?

– Так это! Столкнулись в холле, пригласил на кофе... я залетела к вам всего на минутку, к Веньке. Ну и что? А Кирка сфоткал, сволочь! Знаешь, какой Венька подозрительный? Всюду враги и конкуренты! Старый стал, мнительный. Может, и про нас уже знает!

– У тебя с ним серьезно? – набычился Вава.

– Совсем сбрендил? – закричала Настя. – И ты туда же! Вы меня уже достали своей ревностью! Оба! – Она закрыла лицо ладонями и зарыдала с новой силой.

– Да ладно, Туська, ты чего! – Вава обнял ее, притянул к себе. – Ты же знаешь, как я люблю тебя!

– Ну так давай сбежим! – страстно выкрикнула Настя, отнимая руки от лица. – Я боюсь! Если он узнает, мало не покажется! И мне, и тебе! Венька не умеет прощать. Были слухи, что он взорвал своего партнера и сжег склады с товарами у конкурента. Семь лет назад отсудил у своего партнера часть бизнеса, а еще двое пропали... Понимаешь? Просто исчезли, и полиция не нашла. Он же прет как танк! Мы можем уехать куда-нибудь к морю... на Кипр! Купить дом... Господи, как я устала... хочу целыми днями валяться на песке!

– Ты можешь развестись... – пробормотал Вава, не глядя на подругу.

– Развестись? – Настя всплеснула руками. – О чем ты! Венька никогда не даст развод, убьет скорее! И тебя убьет, выловят обоих где-нибудь в затоне. Если Кирка что-то заподозрил... Да он на все пойдет, чтобы уничтожить меня! Он сказал однажды, что мама была совсем другая и мне до нее как до неба, представляешь? Она, мол, любила отца, а мне нужны только его деньги... Я боюсь, Вава... Давай сбежим!

– Туська, ну чего ты опять... Куда бежать, малыш? Если он такой страшный, от него не убежишь! – Вава попытался рассмеяться, давая понять, что это шутка, но получилось не очень – разговоры о побеге становились все более частыми, и это его беспокоило. – Нам просто нужно быть осторожнее, только и всего.

– Ты меня не любишь!

– Туська, не выдумывай! Люблю... очень! Все время думаю о тебе, вспоминаю... Стою в прихожей, как собака, прислушиваюсь к шагам, прямо сердце замирает... честное слово! Ты главное в моей жизни, знаешь же.

– Тогда почему ты не хочешь? – страстно воскликнула Настя. – Почему? Если хорошенько все продумать... ты же умный! Финансовый директор, в Англии учился... Почему, Вава?

– Почему... А если проиграем? Потерять все, знаешь ли... Ладно, деньги, а если и правда прибьет и закопает где-нибудь в лесу?

– Ты сам говорил, что сейчас другие времена! Побойтся сразу двоих.

– Побойтся... Как ты себе это представляешь? Мы собираем чемоданы, и что? Куда? Самолетом? Поездом? Выследить элементарно!

– Всегда есть выход!

– Ты такая выдумщица... – Вава с трудом сдерживал раздражение. – Подумай сама, у тебя есть все: дом, статус, сумасшедшие деньги... Венька держит в руках полгорода! Сколько подруг тебе завидуют! Я неплохо устроен, скоро открывается новый филиал, могу попроситься туда... Зачем? Давай не менять то, что...

– Зачем? Я хочу нормальную семью, детей! – закричала Настя. – Не хочу спать с ним, не хочу, чтобы мне все время тыкали: та, бывшая, лучше, а я приبلудная! Не их круга, рылом не вышла! Венькина сестра, старая засушенная вобла, учит манерам, как одеваться... Это, Настенька, слишком ярко, то дешево, не надо пошлости, пирожное вилочкой, локти не ставить, бокал за ножку... аристократка вшивая! Стерва! Всю жизнь в пыли в библиотеке, читалась! Ах, Набоков! Ах, Бродский! Как, вы не читали Бунина? Не может быть! И главное, на «вы»! Убила бы... Не хочу их всех видеть!

– Я слышал, Венька ее не жалует, – заметил Вава.

– Не жалует, она и его достала. Старшая, имеет право. Для нее он все еще пацан – зудит, воспитывает... Обещаешь подумать?

– О чем? – вырвалось у Вавы.

– О нас! Ты меня не слушаешь!

– Слушаю. О чем я должен подумать?

– Сам знаешь. Ты сидишь на финансах... Тебя учить?

Долгую минуту они смотрели друг дружке в глаза. Мужчина отвел взгляд первым.

– Обещаешь? – повторила Настя. – Мы сможем! Главное, все хорошенько взвесить... да?

Мужчина неуверенно кивнул...

* * *

...Шibaев шел домой пешком, ему нужно было подумать. Хорошенько вспомнить вчерашний вечер, который виделся в тумане и тревожил. Драку он помнил прекрасно, вой полицейских сирен и побег тоже, а дальше одни пробелы. Холод стены, ощущаемый спиной через легкий свитер, голова кругом, женщина в светящемся ореоле... ее голос. Потом провал и сразу чужая комната, он лежит на диване; пахнет лекарствами, она промокает ему физиономию и дует, чтобы было не больно. Он попытался представить себе ее лицо... темные длинные волосы, голубые глаза... голос! Неторопливый, со смешинкой... Он помнил, как она спрашивала о чем-то, а он отвечал и смеялся. А утром ее уже не было...

День был серенький, влажный и холодный – на реке пошел лед. Голова у Шibaева кружилась от запахов талой земли и реки, набухшей коры деревьев, невидимых крахмальных простыней, сохнувших где-то наверху и бьющих парусом... Весна! Он был полон умиротворения и надежд. Незнакомая женщина в ореоле света, ее голос и смех казались ему водоразделом между прошлой и настоящей жизнью, обещанием перемен. Драка виделась предисловием к тому, что последовало, и непременно условием встречи. Он вытащил руку из кармана чужой куртки, снова увидел сбитые до крови косточки и рассмеялся...

Глава 12. «Коломбина». Раздумья...

*Не плачь и не думай:
Прошедшего – нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.*

В. Брюсов. Не плачь и не думай

«Послушайте, если у вас все хорошо, то и слава богу! А если есть проблемы – милости просим. Иногда человек сам не знает, в чем проблема, ему просто плохо. Острое недовольство собой и миром. Или недостаточно хорошо, вот прямо царапает и не дает наслаждаться жизнью. Все не так: внешний вид – тихий ужас, коллеги – дураки, начальник – псих, соседи – уроды; с утра тоска зеленая, не улыбается и в зеркало не смотрится – глаза б не видели! Мешки и серость! Поводов для радости не наблюдается, сериалы про Золушек задолбали, потому что брехня, надеть нечего, хотя из шкафа все выпадает и дверцы не закрываются, никто никуда не зовет, подруга увела парня... тоже брехня, не парень вовсе, а так, перекинулись парой слов, но все равно обидно; никто не пристаёт на улице и даже не смотрит, не зовет, не приглашает... Что делать и как жить дальше? Что менять: себя, окружение, причёску, работу, подруг, косметику, маршрут на работу? Нужен совет, пинок в нужном направлении... мотивация! В смысле, для чего стараться. Приоритеты, вехи, флажки, указующие персты...»

Если прониклись, то приходите. Поделемся, посоветуемся. Все любят давать советы с высоты своего жизненного опыта и делиться... назовем их «жизненными рецептами». Если есть рецепты баклажанной икры или жареной картошки, то почему не может быть жизненных? Клуб жизненных рецептов «Коломбина». Приходите. Бесплатно. Анонимно. Придумайте себе имя! То, какое выбрали бы себе при рождении, если бы вас спросили. Анжелика, Каролина, Клеопатра, Нефертити... Вперед! Приходите, и посмотрим, что из этого выйдет. Согласны? Ждем!»

И приписка снизу:

«Юлька, не говори нет, сначала подумай! Поняла? Текст авторский, шикарный, вот увидишь, набегит толпа. Ну не толпа, конечно. Кто попало не проникнется, согласна, но нам кто попало и не нужен. Придут неглупые, любопытные, те, кому не хватает общения и которых зацепит, – наша аудитория! Редакторские девушки одобрили. Говорят, с радостью записались бы. Только я бы брала за вход, халява радует, но не ценится. Пользуйся!»

Юлия откинулась на спинку кресла и задумалась. Инга, как и обещала, сочинила текст про «Коломбину», получилось, надо признать, нестандартно. Выпадает из общего стиля. Я бы, пожалуй, клюнула, подумала Юлия. Пришла бы посмотреть на *хостес*, сочинившую это, и клюнувшую публику. Одно «но»! Никто никому ничего не обещает! Это застопорит процесс. Не обещает, что появятся смыслы, уверенность в себе, начнется новая жизнь и откроются горизонты. Жизненные рецепты, конечно, интересно, но... не мало ли? Жизненные рецепты от мамы, бабушки, тети Сони и соседки Клавы... а разочарованным хочется скорых решений и праздника. Чего-то не хватает, решила Юлия. Вроде: «*Фирма гарантирует результат в течение двух недель*». Подумала и дописала: «*Нас много и вместе мы сила!*» Поморщилась... а что не так? Все так. Каждому нужна стая, свой круг, человек – животное стадное... так ведь? Не в уничижительном смысле, а просто так есть. Она еще раз перечитала текст и решила: ладно,

пусть остается, ей все равно не написать лучше. *Sapienti sat*, как говорится⁵. Картинку с Коломбиной и голубем состряпал знакомый айтишник, он же запустит страничку; сидим и ждем, что выйдет.

Инга спрашивает, зачем это ей нужно... Она задает себе тот же вопрос, но ответа нет: весомого, сильного, убедительного. Ну там помощь ближнему, обычное любопытство, от скуки, рассмотреть поближе незнакомый контингент, профессиональный интерес, наконец. Может, действительно когда-нибудь получится книга... в соавторстве с Ингой, у нее бойкое перо и язык подвешен – дай бог всякому. Юлия вспомнила женщину из кафе, с кремом на верхней губе, и вдруг почувствовала страх... Да, да, самый настоящий страх! Они придут сюда... если придут! Ожидая откровений, помощи, новых смыслов... волшебной палочки! Работать над собой способны единицы, народ избалован сериалами и ожидает чуда, кому, как не психологу, знать. Она поманит, они прибегут, как дети за конфетой, и услышат, что все в их руках, нужно делать усилия, смотреть на себя со стороны и тэдэ. Инга сказала: «Прибьют! Смотри, Юль, они надеются на чудо, а ты предлагаешь чесаться самим... Я бы точно прибила! Гуру, тоже мне! Или хотя бы разбила вазу. Так что убери все острые и стеклянные предметы».

Инга – «дитя слова», эквилибрист стиля, из тех, кто ради красного словца не пощадит никого и ничего: имя, репутацию, дружбу... Просто не сможет придержать язык. Слово и стиль – ее стихия, среда, воздух. Ее нужно принимать как есть или сразу уходить. У нее и подруг-то нет... Начальница Зоя говорит, что язычок у нее раздвоенный, за что и ценят – ядовитых репортеров воз и маленькая тележка, а тех, кто умеет ужалить с изяществом, с легкостью, танцуя, – раз-два и обчелся! В смысле, красиво ужалить! В итоге светская хроника и сплетни уже не желтый бульвар, а произведение искусства. Ее интервью – тоже. И спрашивается, как это сочетается: ангельская красота и раздвоенный язычок? Черт его знает. Как-то.

Она, Юлия, по сравнению с Ингой тяжеловес. Говорит мало, скупое, прекрасно аргументирует, умеет слушать и убеждать – потому и сделала себе имя в определенных кругах. Конечно, еще и тенденция играет на руку... вернее, тренд: как, у вас нет своего психолога? Вот телефончик, немедленно звоните! И пара статей Инги... Так они и познакомились, между прочим. Инга пришла под видом проблемной барышни, устроила спектакль, наговорила кучу ерунды, даже всплакнула. Юлия выслушала молча и, когда та выдохлась, мягко сказала: «А теперь скажите, зачем вы пришли». Ингу впервые в жизни заткнуло, и целую минуту она молчала, не зная, что сказать. Она даже порозовела от смущения, тоже впервые. И сказала: «Ну, мать, ты хороша! Как красиво меня сделала... ты первая. Снимаю шляпу!» Инга умеет проигрывать, сильная натура. И на «ты», вот так сразу...

Их двое – порхающая ядовитая Инга и тяжеловесная Юлия. Противоположный пол летит на Ингу как мухи на мед; она вспыхивает как искра и летит навстречу, но вскоре начинаются проблемы из-за ее отвратительной черты подмечать смешное, и нет чтобы смеяться неслышным внутренним смехом! В силу зубоскальства не получается у нее держать язык за зубами, в итоге любимый человек обижается, начинаются выяснения отношений и... все. Слово ранит сильнее, чем кувалда, словом можно убить. Знаешь, в чем твоя проблема, говорит Юлия... Ой, вот только не надо на мне твои психозаморочки, кричит Инга, не верю! Человека не переделашь! Мои проблемы – это мои проблемы, ты себе давай помоги! Чего тебе не хватает? Какого рожна?

О, чего же тебе не хватает? Конечно, конечно, любимая тема. Да если бы можно запросто, в двух словах... Сколько раз, оглядываясь назад, мы спрашиваем себя: как я могла? Или мог? Как, ну вот как, а? Это была не я, это помрачение и сглаз. Эмоции, чувства, подводные течения... Мечется бедный человек на поводке судьбы и не соскочить.

⁵ *Sapienti sat* (лат.) – умному достаточно.

Инга загибает пальцы, перечисляя бывших Юлии... Умный, состоявшийся, репутация... Какого рожна, ты же психолог, у тебя всякие методики, ты же понимаешь, что такие, как Владик, Юра, Стас, на улице не валяются, неужто трудно настроиться? Куда тебя вечно несет? Прыжки с парашютом, пещеры... Вообще, песня! Три дня просидеть в пещерах, пока вытащили! С крысами, в темноте, потому что разбился фонарик... и с привидением черного монаха. А взять Никиту... Работает в мэрии, руководит спортом и молодежью, плакатная внешность, не дурак, зовет замуж... Какого?.. И эта твоя «Коломбина»... Ищешь приключений на пятую точку? Скучно? Ты же понимаешь, что ты за них в ответе? Оно тебе надо? Ладно, ладно, сдаюсь! Более того, обещаю тиснуть матерьялец, взять у них интервью, приду посидеть под видом страдальцы...

Никита... рыцарь без страха и упрека. Спортсмен, хорош собой, популярен – вовлекает в спорт молодежь: лагеря, секции, клубы. Бегаёт по утрам, купается в проруби – *наши моржик*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.